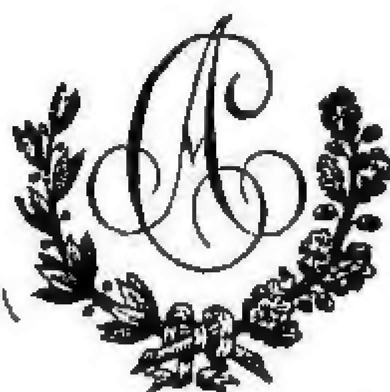
О УМСТВЕННОМЪ ВОСПИТАНІИ ДѢТСКАГО ВОЗРАСТА.

СОЧИНЕНІЕ

ДОКТОРА ЯСТРЕБЦЕВА.

Ferendum ac sperandum.

Euripides.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

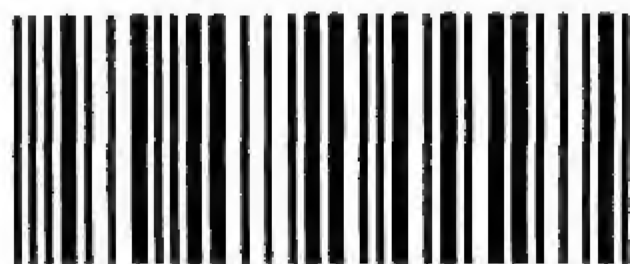
при Императорской Мед. Хирург. Академіи.

1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанія представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, 24 Іюля 1831 года.

Цензоръ Л. Цвѣтаевъ.

О УМСТВЕННОМЪ ВОСПИТАНІИ ДѢТСКАГО ВОЗРАСТА.

Прошли времена, и они уже далеки отъ насъ, когда человѣкъ управлялся съ себѣ подобными, и съ природою, физическими только силами. Въ первые вѣка существованія человѣческаго, тѣ изъ людей, которыхъ судьба окружила обстоятельствами, благопріятствующими скорому раскрытію душевныхъ свойствъ, прежде прочихъ почувствовали недостаточность однихъ физическихъ силъ, и надобность въ другихъ умственныхъ; они начали просвѣщаться. Не зная философскаго вывода, что самая могущественная ихъ сила, одна истинно человѣческая, есть разумъ, и что орудіе разума есть просвѣщеніе, они дѣйствовали такъ, какъ будто постигли сію отвлеченность; должно думать, что ихъ побуждалъ къ тому инстинктъ человѣческій. Другіе люди стали подражать имъ, или поступали сами собою подобнымъ

образомъ, и образованіе перешло отъ частныхъ лицъ къ обществамъ. Съ теченіемъ времени произошли просвѣщенные народы.

Но просвѣщеніе, по свойству своему, совершенствуется трудно и медленно. Его успѣхи слабы и почти ничтожны, или люди занимаются имъ по одиначкѣ, безъ взаимнаго вспомоществованія; сіи успѣхи тогда только становятся значительными, когда цѣлыя массы народа начинаютъ единодушно для него трудиться. И такъ первые шаги народной образованности всегда малы, хотя и растутъ потомъ какъ-бы Геометрическою прогрессіею, до извѣстной степени, соотвѣтственной уму и характеру народному. [Сколько препятствій, внѣшнихъ и внутреннихъ, просвѣщеніе должно побѣдить, прежде нежели совершенно укоренится!] Даже съ полнымъ его укорененіемъ въ народѣ, не всѣ прекращаются его опасности. Несчастные примѣры доказываютъ, что распространившееся и усилившееся въ нѣкоторыхъ націяхъ просвѣщеніе снова опять погибало, или по крайней мѣрѣ надолго останавливалось и уменьшалось, отъ враждебныхъ ему препятствій. Въ Средніе вѣка вся Европа омрачилась невѣжествомъ, и потеряла почти самое воспоминаніе о прежнемъ своемъ образованіи. По странной судьбѣ, варварство тогда, въ те-

ченіи своемъ, приняло тоже направленіе, какое имѣло, въ древнѣйшія времена, просвѣщеніе: съ Востока на Западъ.

Исторія человѣчества показываетъ, что между дикимъ и просвѣщеннымъ состояніемъ людей была продолжительная борьба, и происходила съ перемѣнными успѣхами. Въ продолженіе сей борьбы господствовала иногда физическая, иногда умственная сила; наконецъ сія послѣдняя одержала верхъ рѣшительно надъ первою, борьба между просвѣщеніемъ и невѣжествомъ, которую теперь видимъ, не только въ Азіи или Африкѣ, но даже и въ самой Европѣ, есть уже частная, а не общая; общая кончилась. Умственное омраченіе въ Средніе вѣка было послѣднимъ, страшнымъ усиліемъ животнаго, такъ сказать, человѣка. Теперь не возможно бояться возвращенія подобной эпохи; ибо человѣкъ умственной сдѣлался слишкомъ силенъ.

Спѣшу окончить сіе воззрѣніе на ходъ ума человѣческаго, не имѣя намѣренія писать исторической диссертаціи. И такъ, безъ дальнѣйшаго раскрытія, ограничусь словами, что сила просвѣщенія въ послѣднія вѣка, въ послѣдній вѣкъ особенно, сдѣлала великіе успѣхи, и дала необыкновенное дотолѣ движеніе всему свѣту, въ отношеніи понятій и нравовъ. Сіи успѣхи безпрестанно возраста-

ютъ какъ-бы геометрическою, какъ мы выше сказали, прогрессіею. По мѣрѣ ихъ возрастанія, животный человѣкъ вытѣсняется отвсюду умственнымъ, и принужденъ страдать въ свою очередь. Слѣдовательно, кто нынѣ не радитъ о своемъ просвѣщеніи, тотъ не радитъ о своемъ благосостояніи. Дѣйствительно, вліяніе просвѣщенія сдѣлалось столько сильнымъ, что должно ему покоряться, даже по неволѣ. Кто ему сопротивляется, тотъ идетъ противъ собственныхъ своихъ выгодъ, самъ себѣ ищетъ наказанія. Какую жизнь, въ наше время, можетъ обѣщать себѣ не обучившійся ничему? Если онъ родился бѣднымъ, то чѣмъ, и какія, достанетъ онъ средства для поддержанія своего существованія? Онъ долженъ исполнять самыя грубыя и тяжелыя работы, и со всѣмъ тѣмъ вести самую скудную жизнь. Въ прибыльныхъ должностяхъ обучившійся вездѣ перебьетъ у него дорогу. И такъ надобно ему будетъ рѣшиться на одно изъ двухъ: или учиться, или терпѣть; и надобно рѣшиться скорѣе, ибо не всякій возрастъ способенъ къ наукамъ, и потеря нѣкоторыхъ годовъ можетъ невозвратно погубить благосостояніе всей остальной жизни. Если-же онъ родился богатымъ, то, безъ наукъ, долженъ отказаться отъ весьма многихъ

удовольствій, которыми можетъ пользоваться только человѣкъ образованный. Передъ просвѣщенными людьми онъ безпрестанно будетъ чувствовать свою ничтожность, или будутъ давать ему ее чувствовать, и отъ оскорбительнаго, заслуженнаго впрочемъ униженія, не спасутъ его никакія богатства. Слѣдовательно онъ долженъ или убѣгать просвѣщенныхъ людей и довольствоваться обществомъ такихъ-же, какъ и онъ самъ, неучей, или образовать себя. Конечно богатые невѣжды находятъ свои, грубыя, удовольствія, но и сіи удовольствія по необходимости становятся тѣмъ затруднительнѣе для нихъ, чѣмъ образованнѣе дѣлается общество, и усиливающееся просвѣщеніе безпрестанно стѣсняетъ болѣе и болѣе кругъ ихъ благоденствія.

Но такова лѣность человѣка, и такова его непредусмотрительность, что многіе до сихъ поръ не боятся оставаться въ невѣжествѣ. Физическую, натуральную, силу свою чувствуетъ всякій, знаетъ, что она ему безпрестанно нужна, и достается безъ труда; а ученіе требуетъ работы, сначала весьма тяжелой, и польза его не вдругъ ощутительна: этого довольно для нѣкоторыхъ, чтобъ предаться природной лѣности, и не заботиться объ обезпеченіи своей будущ-

носши. Примѣръ дѣдовъ и прадѣдовъ, кошорые прожили вѣкъ свой, не изнуряя себя, какъ говоришся, науками, служишъ новымъ поводомъ къ поддержанію грубаго statu quo своихъ предковъ. Но размыслили-ли хорошенько нелюбишели новаго просвѣщенія, чшо времена перемѣнились, чшо нынѣ не льзя уже бышь шакъ малознающимъ, какъ прежде, чшо если предки могли обходишься безъ грамошы, шо шеперь шрудно обходишься безъ наукъ. Всему свой вѣкъ. Гошшеншошу и шеперь еще нѣшъ надобносши въ шипографіяхъ; для него довольно имѣшь кусокъ кожи для корошенькаго своего фаршука, и ружье, или по крайней мѣрѣ сшрѣлу, чшобъ убишь своего непріяшеля: но придешъ, можешъ бышь, время, чшо и ихъ пошомки начнушъ печашашь книги. Негры Западной Африки, въ продолженіе цѣлыхъ шысячелѣшій, осшавались, и шеперь осшаюшся, въ полудикомъ сосшояніи; а поколѣніе ихъ, переселенное въ Америку, имѣешъ уже своихъ сочинишелей; Лене (Lainé), одинъ изъ самыхъ примѣчашельныхъ перовъ Франціи, не изъ числа-ли *цвѣтныхъ* людей Америки? Но мы, скажушъ нѣкошорые съ негодованіемъ, не Африканскіе дикари; насъ не должно сравнивашь съ Неграми, или Гошшеншошами! Я и не сравниваю. Съ радосшію признаю въ мо-

ихъ соошечесшвенникахъ рвеніе къ просвѣщенію и успѣхи въ немъ. Но всѣ-ли имѣюшъ сіе благородное рвеніе, вездѣ-ли сіи успѣхи идушъ равными шагами, и все-ли имъ благопріяшсшвуешъ? Конечно нѣшъ. Не смошря на мудрыя мѣры Правишельсшва, кошорыми оно ищешъ упрочишь во всѣхъ ошношеніяхъ наше просвѣщеніе, мы осшаемся еще далеко назади ошъ многихъ Европейцевъ, со сшороны образованія, и, чшо еще хуже, не слишкомъ печалимся объ эшомъ. Въ Нью-Йоркѣ, два милліона народонаселенія посылаюшъ въ училища 200,000 учениковъ, шо есшь, всѣхъ дѣшей. Въ нѣкошорыхъ часшяхъ Германіи, ошецъ семейсшва обязанъ непремѣнно ошдавашь дѣшей своихъ въ училище: въ прошивномъ случаѣ, онъ подвергаешся, сперва выговору, пошомъ, если выговоръ осшаешся недѣйсшвишельнымъ, шѣлесному наказанію. Конечно шакая понудишельная мѣра не вездѣ можешъ годишься, и гораздо приличнѣе, по многимъ ошношеніямъ, совершенно другая мѣра, именно, поощреніе наградами, удобносшями первоначальнаго ученія. Тѣмъ не менѣе сшрогая мѣра въ Германіи на счешъ обученія дѣшей, досшигаешъ своей цѣли, и всѣ дѣши шамъ умѣюшъ чишашь. Конечно Россія не давно еще всшупила въ Европейскую сисшему; и въ эшо корошкое время сво-

его обновленія сдѣлала много успѣховъ въ наукахъ, искусшвахъ и перемѣнѣ нравовъ и обычаевъ: слѣдовашельно не льзя обвиняшь народъ Русскій въ неспособносши. Придешъ время, чшо цивилизаціею своею онъ займешъ мѣсто, сообразное своей обширносши и физической силѣ; но сіе время еще не пришло. Чшо скрывашь! Просвѣщеніе еще очень мало распросшранилось въ массѣ народа, Между шѣмъ какъ въ Сѣверной Америкѣ, въ Англіи, Шошландіи, Швейцаріи, маленькіе городки и мѣсшечки имѣюшъ свои общесшвенныя библіошеки посредсшвомъ Book-society, Société de lecture (*), даже между рабочими классами народа — у насъ Губернскіе города не имѣюшъ книжныхъ лавокъ, безъ сомнѣнія попому, чшо шамъ слишкомъ мало покупашелей книгъ (**). Въ Англіи ремесленники — замѣ-

---

(*) Book-society, *книжное общество*, есшь собраніе большаго или меньшаго числа людей, которые, общими вкладами, получаюшъ возможносшь покупашь для себя лучшія книги и періодическія сочиненія. Легко поняшь, какъ эшо средсшво сильно для распросшраненія просвѣщенія въ народѣ. Сей примѣръ *книжныхъ обществъ* весьма досшоинъ подражанія.

(**) Въ *Сѣверномъ Муравьѣ* извѣщали о предположеніи Г-на Минисшра Внушренниіхъ дѣлъ, завесши публичныя библіошеки во всѣхъ Губернскихъ городахъ Россійской Имперіи. Пріяшное извѣсшіе!

шимъ эшо, *ремесленники*, не шолько собираюшъ для употребленія своего, посредсшвомъ общесшвенныхъ вкладовъ, библіошеки, но и сосшавляюшъ курсы ученія, призывая различныхъ Профессоровъ, для преподаванія имъ наукъ, и иногда сами сшановяшся Профессорами; и эшо бываешъ даже въ небольшихъ городахъ. Въ Кендалѣ, въ кошоромъ считаешся не болѣе 8000 жишелей, ремесленники имѣли, по свидѣшельсшву *Бра́ума* (*Brougham*), библіошеку, сосшоящую изъ 300 до 400 шомовъ; собирались через три мѣсяца для чшенія письменныхъ сочиненій о предмешахъ ученыхъ и словесныхъ; у нихъ былъ учрежденъ курсъ Философіи нашуральной Исшоріи, и они гошовили къ слѣдующему году еще два курса: курсъ Механики и Химіи. Въ Ауекѣ (Haweck), гдѣ еще менѣе жишелей, именно 4000, ремесленники имѣли, въ 1825 году, свою библіошеку и слушали курсъ есшесшвенной Философіи. Подобныхъ сообщесшвъ въ Англіи много. *Бра́умъ* приводишъ, въ сочиненіи своемъ *о воспиша́ніи народа*, слѣдующій примѣчашельный ошрывокъ изъ письма, полученнаго имъ ошъ нѣкошорой особы изъ Шеффильда: «У «насъ есшь шеперь, изъ числа рабочихъ лю«дей, одинъ ножевщикъ, кошорый, во время «засшоя коммерціи, нашелъ время заняшься

«изученіемъ Энтомологіи, много успѣлъ въ «ней, и наконецъ собралъ для нашего Музея «Коллекцію насѣкомыхъ. Другой молодой чело-«вѣкъ, весьма нискаго состоянія, занимается «также составленіемъ Гербарія нашей Фло-«ры. Часто подаваемы были намъ очень «остроумныя механическія модели отъ та-«кихъ людей, которые, по видимому, долж-«ны были существовать самою обыкновен-«ною промышленностію.»

«Два первые факта — замѣчаетъ при семъ *Бра́умЪ* — весьма сильно подтверждаютъ мнѣніе, сказанное мною въ другомъ сочиненіи, и основанное на наблюденіяхъ моихъ о Феллембергововомъ заведеніи въ Швейцаріи, мнѣніе: что любовь къ размышленію и великое раскрытіе умственныхъ способностей могутъ быть, безъ обыкновеннаго подстреканія выгоды и честолюбія, совмѣстными съ жизнію, проведенною въ тяжелыхъ трудахъ даже самаго нискаго званія, и дѣлаться вмѣстѣ путеводителями и утѣшеніемъ.» Какіе завидные примѣры находимъ у иностранцевъ! Какъ далеки еще мы отъ ихъ образованности! Меня упрекнутъ, можетъ быть, въ пристрастіи къ иностранцамъ тѣ изъ моихъ соотечественниковъ, которые обвиняютъ Руских въ чрезмѣрной и вредной по излишеству скромности. Уважая намѣреніе сихъ

почтенныхъ Патріотовъ, мы осмѣливаемся замѣтить имъ, что излишняя скромность лучше излишней хвастливости, а всего лучше безпристрастная справедливость. Мы много уступаемъ въ просвѣщеніи нѣкоторымъ иностранцамъ: это совершенная правда. Но если-бы кто захотѣлъ обвинять за это народъ Русскій, тотъ сдѣлалъ-бы большую несправедливость. Рускіе показали и показываютъ отмѣнныя способности во всѣхъ отношеніяхъ. Но они не виноваты, что начали учиться позднѣе нѣкоторыхъ другихъ народовъ, и не успѣли догнать ихъ ни въ наукахъ, ни въ искуствахъ. Виноваты тѣ закоснѣлые люди стараго времени, которые противятся всѣми силами всякому нововведенію, которые смѣшиваютъ просвѣщеніе съ роскошью и развратомъ, и безпрестанно твердятъ о томъ, какъ встарину берегли деньги, и жили — какъ . . . ¥. Еще болѣе виноваты тѣ — и ихъ много у насъ въ Россіи, — которые понимая выгоды просвѣщенія, не стараются однако, не только выводить другихъ, но и выдти сами, изъ невѣжественнаго состоянія, по привычкѣ къ нему, по весьма предосудительной лѣности, по какому-то безчувственному равнодушію. Какъ-бы то ни было, у насъ не только книги, но и предметы роскоши, удобности жизни, рѣд-

ки до крайности: кто не знает, как въ городахъ нашихъ, кромѣ Столицъ, трудно доставать себѣ, особенно въ надлежащемъ или скоромъ времени, хорошія вещи? «Хорошія вещи, предметы роскоши! скажутъ старинные люди; вотъ чего нынѣ требуютъ: книгъ и предметовъ роскоши!» Да, повторяемъ: книгъ и предметовъ роскоши, составляющихъ удобности жизни, удобности, безъ которыхъ Европеецъ жилъ-бы наподобіе дикаго Африканца. [Никто не сомнѣвается, что ограниченность желаній, довольствованіе малымъ,] есть правило Философіи, и высокой Философіи; но между сею Философіею и нищетою отъ непросвѣщенія разница велика. Кто жертвуетъ нѣкоторыми безвинными, чувственными или умственными наслажденіями для того, чтобъ имѣть большую удобность дѣйствовать высшими душевными качествами; тотъ конечно поступаетъ хорошо и достоинъ великаго уваженія: но кто не старается доставить себѣ полезныхъ или пріятныхъ удобностей жизни, потому что доставать ихъ, и даже пользоваться ими, не льзя безъ трудовъ и наукъ; кто живетъ въ физической, умственной и нравственной, такъ сказать, неопрятности, довольствуется самыми грубыми вещами и тѣснымъ кругомъ понятій: тотъ унижаетъ въ себѣ до-

стоинство человѣческое. Если бываетъ нищета почтенная, то есть и презрѣнная нищета: это та, которая происходитъ отъ произвольнаго невѣжества; она ведетъ къ варварству; убиваетъ часть души человѣческой, умъ; хотя не составляетъ она порока, но часто послѣдствіями своими хуже самыхъ гнусныхъ пороковъ, производя и питая предразсудки всякаго рода. Убійца лишаетъ жизни одного человѣка; но предразсудокъ губитъ многихъ. Требованіе Браминскаго ученія отъ овдовѣвшихъ женщинъ, чтобы онѣ самовольно предавали себя огню, на кострѣ умершихъ мужей ихъ, отвращеніе черни отъ прививанія оспы, и другія подобныя заблужденія и предразсудки, несравненно гибельнѣе разбойничьяго ножа. Часто предразсудки, по видимому, даже малозначущіе, бываютъ причиною неизъяснимаго зла, если не величиною производимаго индивидуально вреда, то массою всѣхъ худыхъ своихъ слѣдствій. Одно изъ пагубныхъ слѣдствій произвольнаго невѣжества или варварства, есть непроизвольное невѣжество. Нерѣдко, на примѣръ, дѣти остаются по неволѣ неучами, потому что отецъ ихъ не любитъ наукъ, или не имѣетъ объ нихъ понятія. Какую худую будущность приготовляютъ родители своимъ дѣтямъ нерадѣніемъ о ихъ просвѣщеніи, и какой

подвергаюшся отвѣтственности передъ совѣстью! Если худое нравственное воспитаніе дѣлается источникомъ великихъ несчастій, то и худое умственное воспитаніе бываетъ также причиною многихъ бѣдствій. Это законъ природы: ибо не должно забывать, что просвѣщеніе не есть что нибудь условное, изобрѣтенное: оно основано на сущности души; есть необходимое ея слѣдствіе; человѣкъ одаренъ волею и умомъ; воля назначена для нравственности, умъ для просвѣщенія, также какъ глаза для зрѣнія, или руки для работы. Не исполнять сихъ назначеній, есть сопротивляться природѣ, которая никогда не оставляетъ сопротивленія ея волѣ безъ наказанія. Худая нравственность не рѣдко избѣгаетъ наказанія въ здѣшней жизни: ей опредѣлено оно въ будущей; но худая образованность всегда наказывается въ здѣшней. И иначе быть не можетъ; ибо что есть просвѣщеніе? Пріобрѣтеніе средствъ извлекать наибольшую пользу изъ всего того, чѣмъ природа окружила человѣка. Кто имѣетъ много просвѣщенія, тотъ имѣетъ и много средствъ для благосостоянія, и напротивъ. Природа предложила человѣку безчисленныя наслажденія, но съ условіемъ, чтобъ онъ самъ ихъ пріобрѣталъ. Ананасъ можетъ расти въ сѣверномъ краю, но на-

добно; чтобъ его умѣли здѣсь воспитывать; человѣкъ можетъ отражать громовые удары, но надобно, чтобъ онъ изобрѣлъ громовые отводы. Не рѣдко самыя простыя вещи даютъ ему чрезвычайную силу. Чѣмъ отводитъ онъ сіи ужасные громовые удары? Прутомъ желѣза. Чѣмъ приближаетъ къ себѣ разстояніе небесныхъ тѣлъ? Кускомъ стекла. Чѣмъ увеличиваетъ чрезвычайно силу и проворство рукъ своихъ? Парами воды. Такія чудеса природа позволяетъ дѣлать только просвѣщенному человѣку. Это награда ея за его трудъ. Не трудившемуся она ничего не даетъ, и оставляетъ какъ-бы безъ всякаго призрѣнія. Таковъ законъ природы, таковыже и законы человѣческіе. Все требуетъ дарованій и дѣятельности.

Люди знатные и богатые! не пренебрегайте просвѣщеніемъ; пришло время основательнаго ученія. Оставьте пагубную привычку искать того, чтобъ дѣти ваши опредѣлялись къ мѣстамъ, прежде нежели они успѣли чему нибудь твердо научиться. Оставьте эту привычку; или вы будете имѣть печаль, увидя, что люди безродные, но дѣятельные и обогащенные положительными свѣдѣніями нынѣшняго времени, покровительствуемые правосуднымъ Монархомъ, будутъ вездѣ обгонять дѣтей вашихъ на поприщѣ

честей и вообще гражданскаго отличія. Вы ищете власти надъ тѣми, которые стоятъ ниже васъ; сія власть пріобрѣтается и сохраняется личными достоинствами, а не однимъ богатствомъ и именемъ. Васъ будутъ уважать, если вы добродѣтельны; васъ будутъ слушаться, если вы умны и просвѣщенны: но если вы не имѣете сихъ достоинствъ, то какія могутъ быть ваши требованія, и гдѣ они найдутъ твердую опору? *Кювье* открылъ вамъ важную истину фактомъ Натуральной Исторіи, когда наблюденіе показало, что воспитывающіеся вмѣстѣ, со дня рожденія, левъ и собака, вырастаютъ не одинаково силою и умомъ: первый скорѣе пріобрѣтаетъ силу, послѣдняя умъ; но пока левъ слабѣе собаки со стороны ума, до тѣхъ поръ онъ въ повиновеніи у нее, не смотря на страшные свои когти и зубы. Вы видите ясно законъ природы. Но левъ пріобрѣтаетъ наконецъ и умъ. Не пренебрегайте и вы пріобрѣтать его. Не попускайте себѣ *покоиться* въ томъ смыслѣ, въ которомъ говаривалъ сіе слово *Суворовъ* о нѣкоторыхъ знатныхъ фамиліяхъ. Съ душевными и умственными достоинствами ваше положеніе въ свѣтѣ отлично. Отъ васъ зависитъ пользоваться симъ положеніемъ.

Люди среднихъ званій! для васъ еще болѣе

необходимы дѣятельность и науки, нежели для тѣхъ, которыхъ счастіе произвело отъ знаменитой крови: знатный невѣжда можетъ еще до нѣкоторой степени поддерживаться имѣніемъ и именемъ предковъ; невѣжду вашего состоянія ничто не поддерживаетъ; фортуна ничего ему не даетъ. За то дарованія и трудолюбіе открываютъ ко всему дорогу. Помните слова, сказанныя объ васъ въ весьма важномъ случаѣ: «Въ среднемъ «классѣ, равно удаленномъ отъ крайностей «роскоши и бѣдности; въ классѣ, гдѣ встрѣ«чается достаточное состояніе, отдохнове«ніе соединенное съ привычкою къ труду, «свободныя сообщенія дружбы, любовь къ «чтенію и путешествіямъ; въ семъ классѣ, «говорю я, родятся познанія и распростра«няются оттуда къ знатнымъ и къ народу; «ибо знатные и народъ не имѣютъ времени «для размышленія; они принимаютъ только «тѣ истины, которыя доходятъ къ нимъ «въ видѣ аксіомъ, и которыя не требуютъ «доказательствъ.» И еще: «Классъ людей, «наиболѣе способствующій у насъ возраста«нію Государственнаго богатства, есть «классъ подрядчиковъ промышленности, осо«бенно изъ среднихъ званій. У сихъ-то пре«имущественно людей накопляются капита«лы, и накопляются тѣмъ быстрѣе, что

«сіи люди соединяюшъ, по большой части, «съ весьма дѣяшельною промышленносшію «жизнь необыкновенно для прочихъ народовъ «воздержную.» Эши примѣчашельныя слова слышалъ нашъ ИМПЕРАТОРЪ, когда юносшь свою обогащалъ свѣденіями о богашсшвѣ народовъ (*). Не долгъ ли вашъ оправдывашь сіи слова?

Я предложилъ-бы совѣшъ о просвѣщеніи и нисшему классу народа; но сей классъ не можешъ исполнишь сего совѣша одними собсшвенными своими средсшвами; онъ имѣешъ необходимосшь для сего въ посшороннемъ вспомоществованіи. Вспомоществованіе сіе зависишъ ошъ просвѣщенныхъ человѣколюбцевъ. Здѣсь представляешся имъ обширное поприще дѣяшельносши, богашое важными послѣдсшвіями.

До сихъ поръ большая часшь благодѣшельныхъ людей думаюшъ, чшо подаяніями нищешѣ можно исполнишь долгъ человѣколюбія. Но съ лучшими чувсшвами, съ самою

(*) Смошрише Cours d'économie politique, ou l'exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations. Ouvrage qui a servi à l'instruction de *Leurs Altesses Impériales*, les Grands-Ducs NICOLAS et MICHEL; par *Henri Storch*. St.-Pétersbourg, 1815. Tom. I. pag. 38 et 321.

живою любовью къ добродѣтели, можно сдѣлать болѣе вреда обществу, нежели пользы, если употреблять сіи чувства и сію любовь слѣпо и безъ разума. Вы желаете напр. облегчить участь несчастнаго, который представился передъ вами въ разодранномъ рубищѣ; простираете къ нему щедрую руку: но что вы дѣлаете? Вы становитесь покровителемъ лѣности, самовольнаго нищенствованія и обмана, или, по крайней мѣрѣ, вы ободряете и распространяете духъ непредусмотрительности, безпечности о будущемъ, обильный источникъ пороковъ и преступленій. Сильно и глубоко слово Святаго Павла: «Кто не хочетъ трудиться, тотъ не достоинъ жизни.» Печальный опытъ увѣрилъ, что вездѣ и всегда нищета распространяется вмѣстѣ съ милостынею; чѣмъ болѣе происходитъ подаяній, тѣмъ болѣе возрастаетъ число просителей: ибо люди, расположенные обыкновенно къ лѣности, оставляютъ работу, нужную для поддержанія ихъ жизни, находя, что гораздо покойнѣе для нихъ просить, нежели трудиться. Надежда на человѣколюбіе другихъ располагаетъ ихъ къ совершенному безпечію о своемъ состояніи. Если случится, что сія надежда не совсѣмъ исполняется, то они начинаютъ прибѣгать къ разнаго рода обманамъ, что-бы расжало-

бить болѣе своею участью людей добродушныхъ. Отъ одного худаго поступка переходъ къ другому легокъ; будучи одинъ разъ на пути нравственной погибели, они нечувствительно слѣдуютъ по немъ далѣе и далѣе. Другіе слабые увлекаются ихъ примѣромъ и сладостью бездѣйствія. Такимъ образомъ нищета и порокъ безпрестанно размножаются. Спрашиваемъ: благоразумна-ли та благодѣтельность, которая творитъ и увеличиваетъ то самое, что она хочетъ истреблять? Полезна-ли та помощь, которая служитъ тѣлу и вредитъ душѣ того, кому она оказывается? Облегченіе страданій есть безъ сомнѣнія великое добро; но если страданія сіи предохраняютъ отъ большихъ несчастій, то колебаться нечего: должно рѣшиться отвратить зло большее и оставить меньшее, когда не льзя уничтожить того и другаго. Конечно сострадательному человѣку трудно отказать въ милостынѣ убогому просящему; это возмущаетъ его сердце: но должно ему сдѣлать усиліе противъ своей чувствительности; должно разсудить, что лучше казаться безчеловѣчнымъ, нежели подъ видомъ человѣколюбія, быть причиною усиливающейся праздности, физическаго и нравственнаго ухудшенія ближнихъ. Мы рѣшаемся на хирургическія операціи, которыя

необходимы для сохраненія жизни или здоровья: для чего-же не рѣшиться на отказъ неумѣстныхъ подаяній, который дѣйствуетъ на испортившуюся часть общественнаго тѣла такъ точно, какъ хирургическая операція дѣйствуетъ на тѣло человѣческое. Она болѣзненна, но полезна и необходима. Отказъ подаяній принуждаетъ нерадивыхъ къ работѣ, посѣляетъ духъ предусмотрительности въ людяхъ безпечныхъ, и не позволяетъ быть той несправедливости, чтобъ лѣнивый истреблялъ достояніе трудолюбиваго. Если уже съ похвальнымъ чувствомъ состраданія нельзя подавать безъ разбора милостыни просящимъ: то что сказать о тѣхъ людяхъ, которые раздаютъ деньги нищимъ изъ постыднаго чванства, или изъ еще болѣе достойной осужденія притворной благотворительности, отъ стыда показаться жестокосердымъ, по крайней мѣрѣ, отъ желанія развязаться скорѣе съ непріятнымъ и докучнымъ лицемъ просителя въ рубищѣ. Съ сими расположеніями сердца оказанное благотвореніе не только сѣетъ сѣмена убожества и униженія въ обществѣ, но и теряетъ высокое свое преимущество: облагороживать душу благотворящаго; напротивъ того сія ложная благотворительность есть низкое и презрѣнное лицемѣріе. Но что-же? Человѣколю-

біе должно-ли остаться почти бездѣйственнымъ отъ страха увеличить зло неумѣстными благотвореніями? Неужели надобно ожесточить свое сердце до того, чтобы смотрѣть равнодушно на бѣдность ближняго? Неужели позволено истребить въ себѣ чувство сострадания? Природа дала сіе чувство почти всѣмъ безъ исключенія: оно въ насъ дѣйствуетъ иногда непроизвольно; самый закоснѣлый скупецъ не дѣлаетъ-ли иногда подаяній убожеству, вопреки внушеніямъ гнусной своей страсти корыстолюбія? Благотворительность не есть-ли должность всякаго человѣка? Такъ конечно. Мы живемъ здѣсь не для себя однихъ; не должны ограничиваться своею только собственною участью, но обязаны трудиться также для блага своего ближняго, для блага общаго. Это неизмѣнный законъ нравственности. Но какой смыслъ сего закона, смыслъ, говоримъ, а не буквальное выраженіе? Не тотъ-ли, чтобъ вспомоществовать и благосостоянію ближняго безъ всякаго лицепріятія? Поступимъ-же по смыслу сего закона, и не станемъ заниматься *лицами*, а бѣдствіями нашихъ ближнихъ. Сіи бѣдствія двоякаго рода: одни изъ нихъ происходятъ отъ человѣка, который самъ имъ причиною; они суть необходимыя слѣдствія его поступковъ, нака-

заніе за его небрежность или пороки; ихъ можно было ожидать или предвидѣть;— другія посылаются Провидѣніемъ совершенно неожиданно; ихъ невозможно было ни отвратить, ни предвидѣть; таковы на примѣръ: природная глухота и нѣмота, слѣпота въ бѣдности, раны, переломы членовъ, пожары, наводненія, неурожай хлѣба и тому подобное. Число сихъ послѣднихъ несчастій, совершенно независимыхъ отъ страдающаго, ограниченно; даже изъ нихъ нѣкоторыя отвращаются усовершенствованіями общественныхъ сношеній, напримѣръ: *обществами взаимнаго вспомоществованія*, *пожизненными застрахованіями*, *застрахованіями отъ пожара*, и такъ далѣе. Одни только сіи бѣдствія, недоступныя предвидѣнію человѣческому, и требуютъ всего нашего вспоможенія; всѣ прочія несчастія должны быть только предупреждаемы. Поощряйте къ труду празднаго, но не подавайте ему милостыни: сія молостыня распространяетъ заразу нищеты. Человѣку данъ Богомъ разсудокъ для того, чтобъ человѣкъ пользовался разсудкомъ. Если пренебрегъ онъ этимъ даромъ, то долженъ страдать; и нѣтъ никакой возможности отклонить слѣдующаго за симъ зла (*).

(*) Совѣтуемъ читать филантропамъ прекрасное сочиненіе: De la charité, dans ses rapports avec l'état

И такъ что остается? Остается усиливать и воздѣлывать этотъ разсудокъ. Просвѣщеніе ближнихъ — вотъ важная обязанность человѣколюбія.

Бѣдные суть братья ваши, учитъ Евангеліе. Сіе высокое правило не останется-ли безжизненною буквою въ душѣ вашей, если вы не будете искать просвѣтить умъ и образовать душу меньшаго изъ *вашихъ братій*, который раздѣляетъ съ вами одно вѣрованіе въ Бога, одну надежду и страхъ будущей жизни, одну способность къ удовольствіямъ и страданіямъ въ здѣшней, и котораго однако вы отдѣляете отъ себя какъ-бы каменною стѣною: его невѣжествомъ. Гдѣ-же эта любовь къ человѣчеству, которая ищетъ доставить ближнему все возможное благосостояніе? Вы подаете съ чувствомъ состраданія, а можетъ быть и съ равнодушіемъ, съ покровительственнымъ видомъ, рубль нищему, который не спасетъ его отъ бѣдности, или сообщаете ему мудрое наставленіе о добродѣтели, котораго онъ не пойметъ, и вы думаете, что удовлетворяете этимъ Христіанской любви? А науки, которыя очищаютъ нравы, облагоро-

---

moral et le bien-être des classes inférieures de la société; par M. T. *Duchâtel*. Paris, 1829. in-80. de 431 pag.

живаютъ понятіе, возвышаютъ вкусъ, пріучаютъ къ безцѣнному расположенію къ экономіи, замѣняя чистыми и простыми наслажденіями чувственныя, грубыя удовольствія, истребляющія деньги, время и здоровье, а художества, которыя даютъ средства пріобрѣтать честнымъ образомъ пропитаніе, вы ихъ не хотите сообщить ближнему? Вы ихъ бережете для своей только пользы? Чтожъ вы дѣлаете? Вмѣсто того, чтобъ извлечь несчастнаго изъ бездны его униженія, вы его заставляете любить сіе униженіе вашими поощреніями, и не представляете ему никакихъ средствъ изъ нея выйдти. Нѣтъ, такое человѣколюбіе противно своей цѣли. Франція, Англія, подали примѣръ другой филантропіи гораздо просвѣщеннѣйшей, которая старается возвысить человѣка сообщеніемъ ему полезныхъ свѣденій о наукахъ и художествахъ. Въ Парижѣ составилось для сего общество въ 1814; но труды его мало еще обнаружились. Гораздо дѣятельнѣе явилось *общество распространенія полезныхъ знаній*, основанное въ Лондонѣ въ 1827 году, но котораго первоначальную мысль сообщилъ *Бра́умъ* (Brougham) въ 1825 году, въ сочиненіи своемъ *о воспитаніи народа*, имѣвшемъ въ первый годъ своего появленія 20 изданій:

такъ *практическія замѣчанія* его о просвѣщеніи нисшихъ классовъ народны въ Англіи! Сіе общество, подъ предсѣдательствомъ знаменитаго своего основателя (*Браума*), выдало уже многія сочиненія, большею частію изъ круга физическихъ и механическихъ наукъ, доступныя нискому классу народа ясностью изложенія и умѣренностію платы (*). Пожелаемъ нашимъ филантропамъ воспользоваться прекраснымъ примѣромъ иностранцевъ столько, сколько можно это сдѣлать (**).

Но какъ легче достигнуть сего просвѣщенія, котораго надобность мы старались теперь доказывать? Какъ приняться за науки, чтобъ лучше успѣть въ нихъ? Вотъ предметъ, котораго одну часть мы намѣрены теперь разобрать.

Умственное воспитаніе можно раздѣлить на три части: 1) на *первоначальное* или

(*) Увѣряютъ, что число подписчиковъ на изданіе трактатовъ *общества распространенія полезныхъ знаній* простиралось въ 1828 году до пятидесяти тысячь.

(**) Желательно, что-бы ГГ. Журналисты сообщили своимъ читателямъ подробный планъ и дѣйствія Лондонскаго *общества распространенія полезныхъ знаній.* Сей трудъ ихъ можетъ принести великую пользу.

нисшее, 2.) *среднее* и 3.) *окончательное* или *высшее*.

Предоставляемъ себѣ въ другое время раскрыть наши мысли касательно средняго и высшаго умственнаго воспитанія; замѣтимъ только, что въ *среднемъ* обученіи мы полагали-бы наибольшую общность, энциклопедизмъ наукъ и художествъ; въ *высшемъ*, наибольшій ихъ монопедизмъ, частность, безъ которой слабо ихъ совершенствованіе. Теперь-же ограничимся единственно *первоначальнымъ* умственнымъ воспитаніемъ, соотвѣтственнымъ дѣтскому возрасту.

Хорошая система умственнаго воспитанія дѣтей должна заключать, въ наши времена, слѣдующія условія:

I. Что-бы преподаваемыя свѣденія не переходили за границы дѣтскаго понятія.

II. Что-бы можно было начинать ихъ съ самаго ранняго дѣтскаго возраста.

III. Что-бы они не препятствовали физическому, и способствовали, какъ можно болѣе, умственному развитію дѣтей.

IV. Что-бы приготовляли, наивозможно скорѣе и легче, къ тѣмъ наукамъ, которыя нужны по нынѣшнему духу времени.

Перваго условія требуетъ успѣшность ученія, втораго — безконечность, такъ сказать, наукъ и ограниченность жизни, третьяго—

физическая и моральная необходимость учащагося, четвертаго — польза общества.

Посмотримъ, чему стараются у насъ учить дѣтей? Сперва ихъ учатъ читать и писать. Нѣкоторая мода, сдѣлавшаяся почти постояннымъ правиломъ, требуетъ еще, чтобъ дѣти, даже съ самаго нѣжнаго возраста, выучивали наизусть какія нибудь басни, или Русскія, или Французскія. Потомъ, по мѣрѣ увеличивающагося возраста, назначаютъ дѣтямъ: Грамматику, Ариѳметику, Геометрію, Катихизисъ, иностранные языки, Священную, Всеобщую, Русскую Исторію, Географію математическую, политическую, Риторику, Піитику, Миѳологію, рисованіе, танцованіе и музыку. Въ семъ заключается *выборъ наукъ.* Теперь какое *правило ученія?* То, что-бы преподать каждую изъ сказанныхъ наукъ *вкратцѣ*, *отъ начала до конца*, предоставляя подробнѣйшее изложеніе оныхъ для будущаго возраста. Всякій учитель старается достигнуть этой цѣли своимъ образомъ, своею *методою*, обыкновенно больше или меньше искусною.

Но ни сей *выборъ наукъ*, ни сіе *правило ученія*, не исполняютъ тѣхъ условій, которыя мы выше предположили для хорошей системы умственнаго воспитанія въ дѣтскомъ возрастѣ.

I. Сей выборъ наукъ и правило ученія противятся первому условію, требующему, *что-бы преподаваемыя свѣденія не переходили за границы дѣтскаго понятія.* Самое ученіе наизусть басенъ и сказочекъ, которыя, по видимому, весьма просты и весьма украшаютъ малютокъ въ глазахъ отца или матери, особенно передъ посторонними людьми, не выше-ли дѣтскаго разума, не составляетъ-ли болѣе предметъ чванства родителей, чѣмъ существенную пользу дѣтей? Могутъ-ли дѣти понимать хорошо мораль, заключенную въ басняхъ? Осмѣяніе слабостей и пороковъ человѣческихъ, предостереженіе отъ злонамѣренной хитрости и коварства, намеки на злоупотребленіе властей, и тому подобное, согласны-ли съ дѣтскими понятіями? Что-бы понимать самую простую мораль, надобно ее чувствовать: безъ этого она мертвое слово. Но дѣтская душа созрѣла-ли для этого? Самыя обыкновенныя моральныя понятія имѣютъ только мнимую легкость; кажется, что они всегда и всѣмъ доступны, но въ самой вещи этого нѣтъ. Всѣ, напримѣръ, твердятъ безпрестанно, что *должно умереть*; но всѣ-ли, и часто-ли, понимаютъ силу этой рѣчи? Сколько людей чувствовали эту силу только одинъ разъ въ жизни — передъ смертью!

Теперь осмѣливаемся спросить: что понимаетъ трехлѣтнее дитя, когда оно лепечетъ передъ вами прекрасные стихи *Крылова или Лафонтена?* Попугай едва-ли не столько-же понимаетъ слово *дуракъ*, которому его научили, и которое онъ больше или меньше ясно и забавно произноситъ, при видѣ гостя или своего господина. Не желая оскорбить родителей и родительницъ, признаемся, что повторенія наизусть басенъ ихъ малютками казались намъ всегда смѣшными. Конечно, грѣха нѣтъ въ томъ, чтобъ учить дѣтей баснямъ; но что въ этомъ пользы? Хотите укрѣпить ихъ разсудокъ? Этого баснями вы не достигнете; хотите усилить ихъ память? Это можно сдѣлать полезнѣйшими предметами. Впрочемъ басни составляютъ энциклопедію дѣтей, только въ самомъ раннемъ ихъ возрастѣ. Въ возрастѣ постепенно укрѣпляющемся, начинаютъ учить, какъ мы выше сказали, Ариѳметикѣ, Грамматикѣ, Исторіи и проч. Большая часть сихъ наукъ дѣйствительно имѣютъ много понятнаго дѣтямъ; но всѣ становятся не соразмѣрны съ ихъ понятіемъ отъ правила ученія. Сіе правило ученія ищетъ передать дѣтямъ какую нибудь науку *всю, только вкратцѣ*. Но всякая наука, какъ-бы ни казалась первоначальною, заключаетъ въ себѣ

трудныя мѣста. Ариѳметика есть весьма первоначальная наука; но дроби ея безъ сомнѣнія выше дѣтскаго понятія, въ маломъ возрастѣ. Какъ вкратцѣ ни учите, вы не сдѣлаете дробей легкими для дѣтей: напротивъ того; *Горацій* уже сказалъ: *стараюсь быть короткимъ, становлюсь неяснымъ.* Сколько дѣтей мучатся отъ учителей и мучатъ ихъ въ свою очередь — при чемъ драгоцѣнное время теряется невозвратно — дробями Ариѳметики! Иной ребенокъ и учитель провели за ними, если счесть время всѣхъ переповтореній, съ годъ безполезной и плачевной жизни. Между тѣмъ жизнь человѣческая наполнена и безъ того потерями и бѣдствіями. Нужно-ли, чтобы Ариѳметика прибавляла свои мученія? Но не одна Ариѳметика содержитъ сіи неудобства; всѣ прочія науки, назначаемыя дѣтямъ, имѣютъ свои дроби, свои затруднительныя мѣста.

Есть и такія науки, въ числѣ назначаемыхъ дѣтямъ, которыя вовсе неприличны имъ, особенно въ маломъ возрастѣ: такова Исторія. Годится-ли для дѣтей Исторія, когда они не могутъ понимать словъ: *народъ, государство, законы* и пр., словъ, безъ которыхъ нѣтъ Исторіи. Конечно можно натвердить дѣтямъ, что существовала нѣкогда Ассирійская, Вавилонская

Монархія, что были или не были никогда, Нинъ, Семирамида; но это Исторія-ли? Одни собственныя имена, географическія названія и хронологическія числа составляютъ только трупъ, а не живое тѣло Исторіи; душа сего тѣла заключается въ *мысли человѣчества*, которой участь измѣнялась, въ теченіе вѣковъ, и продолжаетъ измѣняться, въ слѣдствіе нѣкоторыхъ законовъ Творца; чему собственныя имена, географическія названія и хронологическія числа служатъ только нѣкоторыми указаніями, такъ какъ физическое строеніе сердца служитъ указаніемъ кругообращенія крови въ тѣлѣ человѣческомъ, и соединенныхъ съ тѣмъ динамическихъ и психическихъ явленій жизни. Сія *мысль человѣчества*, ходъ ея судьбы, вовсе не дѣтское занятіе. И такъ слѣдующая дилемма неизбѣжна: или вы будете учить дѣтей въ самой вещи Исторіи, и тогда понапрасну потеряете время: дѣти васъ не поймутъ; или дѣти васъ будутъ понимать, и тогда вы научите ихъ не Исторіи, а нѣкоторому сцѣпленію именъ, названій и числъ. Зачѣмъ-же фальшивую монету выдавать за истинную? Не родъ-ли это педантства, когда ребенокъ произноситъ громкія слова, которыхъ смысла онъ не понимаетъ? Хорошо еще, если-бы онъ зналъ, что мишура, которою застав-

ляютъ его блистатъ, имѣетъ только видъ золота, а въ самомъ дѣлѣ она мѣдь. Но нѣтъ; ему и этаго не открываютъ. Случается, что онъ и на всю жизнь остается въ этомъ заблужденіи. Перейдемъ ко второму условію хорошей системы дѣтскаго ученія.

II. Сіе второе условіе состоитъ въ томъ, *чтобъ можно было начинать ученіе дѣтей съ самаго ранняго ихъ возраста.* Наукъ такъ много, и такъ онѣ обширны, а время течетъ съ такою быстротою, что не нужно доказывать пользу наивозможно ранняго ученія. Но какъ можно начинать рано учить дѣтей наукамъ, изъ которыхъ однѣ по сущности своей, другія по правилу ученія, не соразмѣрны съ дѣтскимъ возрастомъ? Физически невозможно. Это такъ вѣрно, что многіе родители и воспитатели былибы въ большомъ затрудненіи на счетъ того, чѣмъ занять время дѣтей или воспитанниковъ своихъ, если-бы употребляемая до сихъ поръ метода обученія Чтенію и Писанію не была такъ затруднительна и продолжительна. Кто не знаетъ, что охотно заставляютъ дѣтей сидѣть за Азбукою или за Чистописаніемъ, иногда единственно потому, что они во время сихъ занятій по крайней мѣрѣ не дѣлаютъ ничего дурнаго, не рѣзвятся и не шалятъ; что съ этою цѣлію принуждаютъ

ихъ трудиться лишнее время и надъ другими науками, хотя и не видятъ большихъ успѣховъ ученія.

И такъ дѣти начинаютъ учиться, кромѣ Чтенія и Писанія, поздно, или, что все равно, начиная учиться рано, учатся чрезмѣрно продолжительно: это фактъ. Какая потеря времени! Разобравши все съ точностью, найдется, что полезнѣе для ребенка рѣзвиться (ибо отъ рѣзвости развиваются, по крайней мѣрѣ, способности и силы тѣлесныя), нежели сидѣть за науками безъ пользы; и что тѣ правы родители, которые долго не начинаютъ учить дѣтей своихъ. Не жалко-ли это? Если-бы уже это былъ законъ природы, что дѣти не могутъ рано учиться наукамъ, то дѣлать было-бы нечего; должно-бы покориться жестокой необходимости: но нѣтъ; природа не написала этаго закона. Напротивъ, она позволила проникать въ нѣкоторыя ея таинства, даже самымъ слабымъ понятіямъ: умѣйте только воспользоваться симъ позволеніемъ. Не теряйте силъ вашихъ понапрасну для того, чтобъ нести въ рукѣ вашей 50 пудовъ: вы и не приподымете сей тяжести; но разложите ее на разныя части тѣла по способу Desauguliers, и вы ее понесете; тоже и съ науками: старайтесь разложить невещественную сію тяжесть по ча-

стямъ на дѣтскія способности, и вы удивитесь ихъ силѣ; но не обременяйте безъ мѣры ихъ понятія въ одномъ пунктѣ.

III. Третье условіе хорошей системы дѣтскаго ученія требуетъ, чтобъ *преподаваемыя науки не препятствовали физическому, и способствовали, какъ можно болѣе, умственному развитію дѣтей.* Посмотримъ, согласно-ли нынѣ употребляемое ученіе съ симъ требованіемъ.

Что нужно для физическаго и умственнаго развитія дѣтей? Соблюденіе слѣдующихъ правилъ:

1. *Упражнять тѣлесныя и умственныя способности:* потому что безъ упражненія онѣ погибаютъ. Оставьте руку вашу на нѣсколько недѣль безъ всякаго движенія: сей произвольный параличъ руки окончится дѣйствительнымъ ея параличемъ; тоже можно сказать и о всѣхъ прочихъ тѣлесныхъ и умственныхъ способностяхъ. Напротивъ того, упражненіе увеличиваетъ ихъ силу, и можетъ довести ее до высокой, удивительной степени.

2. *Упражнять тѣлесныя и умственныя способности соразмѣрно съ ихъ силами:* иначе сіи способности потеряются такъ-же, какъ и отъ недостатка упражненія. *Ничего слишкомъ:* вотъ условіе и законъ всего по-

лезнаго. Теплота нужна для сохраненія жизни въ тѣлѣ, но теплота, доведенная до степени огня, смертельна для жизни. *Милонъ Кротонскій* имѣлъ большую силу, носилъ на плечахъ быка, и убивалъ его кулакомъ сразу; но захотѣвши разодрать дерево, погибъ. Извѣстно, что *слишкомъ* ученые дѣти живутъ не долго: Pico della Mirandola, чудо памяти, труда и учености, который, на 23 году возраста, показалъ, съ дѣтскою хвастливостью, и обширность и неосновательность своихъ знаній, вызовомъ защищать, противъ всѣхъ ученыхъ, изданныя имъ 900 предложеній de omni re scibili (*о всѣхъ предметахъ наукъ*), умеръ 32 лѣтъ, въ дряхлости.

Несоразмѣрность упражненій съ силами можно раздѣлить на два рода: 1. на чрезмѣрно продолжительное упражненіе и 2. на чрезмѣрно тяжелое. И то и другое излишество почти одинаково вредны.

3. *Совершенствовать органы чувствъ*: ибо отъ нихъ чрезвычайно много зависитъ физическое и моральное благосостояніе человѣка. Всякое чувство есть источникъ безчисленныхъ наслажденій; съ потерею какого нибудь чувства теряется для человѣка какъ бы часть вселенной. Между чувствами особенно важно зрѣніе: его впечатлѣнія, какъ

Физіологія доказываетъ, сутъ самыя ясныя и постоянныя изъ всѣхъ другихъ чувственныхъ впечатлѣній; они почти всегда наполняютъ душу человѣческую, не оставляютъ ее даже во снѣ; чего не льзя сказать съ такою справедливостью о прочихъ чувственныхъ впечатлѣніяхъ.

Спрашивается теперь: обыкновенная система дѣтскаго ученія занимаетъ-ли способности дѣтей? Занимаетъ-ли ихъ соразмѣрно съ ихъ силами? Совершенствуетъ-ли органы чувствъ, зрѣніе особенно?

Она занимаетъ мало: ибо дѣти, какъ мы выше сказали, или поздо начинаютъ учиться, или начиная учиться рано, учатся чрезмѣрно продолжительно, то есть, въ обоихъ случаяхъ теряется время. Сказанное теперь выраженіе: *учатся чрезмѣрно продолжительно*, ни сколько ни противорѣчитъ утвержденію нашему, что дѣти занимаются мало: потому что мы говоримъ не о сидѣніи дѣтей за книгою или тетрадью, — при чемъ они большею частію только томятся и ничего не дѣлаютъ—, а о дѣятельномъ ихъ занятіи, во время котораго ихъ способности находятся въ дѣйствительномъ, а не мнимомъ упражненіи. Что происходитъ съ дѣтьми въ длинныхъ и трудныхъ ихъ урокахъ? Тѣлесныя ихъ способности находят-

ся въ бездѣйствіи, умственныя работаютъ мало.

Она занимаетъ дѣтскія способности не соразмѣрно съ ихъ силами. Мы уже выше старались показать, что преподаваемыя дѣтямъ науки, или по существу своему, или по правилу ученія, вообще выше дѣтскихъ понятій. Отсюда слѣдуетъ, что дѣти принуждены напрягать *слишкомъ* свои способности и мучиться, по крайней мѣрѣ, безполезно. Отъ излишняго напряженія ума происходитъ обыкновенно физическая и моральная усталость; сія слишкомъ часто повторенная усталость можетъ превратиться со временемъ въ постоянную вялость души и тѣла.

Она почти вовсе не совершенствуетъ чувствъ. Правда, Рисованье и Музыка раскрываютъ нѣсколько зрѣніе и слухъ: но сіе раскрытіе слишкомъ ограничено, особенно когда согласиться, что эстетическія понятія зрѣнія и слуха, которыми собственно занимается Рисованье и Музыка, гораздо болѣе относятся къ уму, нежели къ самимъ органамъ чувствъ.

Остается разобрать послѣднее условіе хорошаго умственнаго воспитанія дѣтей.

IV. Сіе условіе заключается въ томъ, чтобъ *преподаваемыя науки приготовляли, наивозможно скорѣе и легче, къ тѣмъ свѣде-*

ніямъ, которыхъ требуетъ нынѣшній духъ времени. Безъ сомнѣнія сіе условіе есть одно изъ самыхъ важныхъ: ибо что есть воспитаніе, какъ не сообщеніе человѣку тѣхъ свѣденій, посредствомъ которыхъ онъ становится способнымъ къ исполненію житейскихъ дѣлъ. И такъ нужно знать, чего требуютъ сіи дѣла. Если вы не приготовите себя къ нимъ, или, что все равно, приготовите себя совершенно къ другимъ дѣламъ, то вы будете безполезны или даже вредны для общества, и общество васъ отвергнетъ: слѣдствіе необходимое.

Но какой духъ нѣнѣшняго времени? Моральный? Геройскій? Философскій? Нѣтъ, *ищущій физическаго благосостоянія.* Его можно характеризировать словомъ: *положительный.* Послѣ разныхъ опытовъ, человѣчество увидѣло, что прежде всего надобно обезпечить матеріальное свое существованіе, что за симъ обезпеченіемъ приходятъ, такъ сказать, сами собою всѣ прочія улучшенія. Дѣйствительно, за физическимъ благосостояніемъ слѣдуетъ и самое нравственное. Древніе философы-законодатели внушали, и принуждали искать счастія не во внѣшнихъ вещахъ, а внутри самаго себя; они не достигли своей цѣли: опытъ показалъ, что ихъ законы не согласны съ природою человѣче-

скою. Безъ внѣшнихъ вещей, то есть, безъ того, что составляетъ довольство, человѣкъ не имѣетъ ни охоты, ни способности заниматься внутреннимъ своимъ состоянїемъ; онъ становится *грубъ* по всѣмъ отношенїямъ, не только по тѣлу, но по уму и сердцу. Древнїе законодатели не постигли этого, и со всѣмъ своимъ желанїемъ улучшить родъ человѣческїй, сдѣлали гораздо болѣе ему вреда, нежели пользы: потому что преградили отъ него на долгое время настоящїй путь къ совершенствованїю. Smith, Bentham и подобные, основавшїе на внѣшнихъ предметахъ все благосостоянїе человѣка, самую силу и достоинство его души, сдѣлались истинными благодѣтелями людей. Но тѣ превратно поняли-бы сїе ученїе, которые заключили-бы, что оно основано на грубомъ эпикуреизмѣ. Рѣчь идетъ не о томъ, что составляетъ достоинство человѣка, но о томъ, какъ его можно достигнуть. Религїя и нравственность безъ сомнѣнїя суть высшая цѣль совершенствованїя человѣческаго; но сїя цѣль не достигается химерическою утопїею древнихъ Философовъ.

Я съ намѣренїемъ коснулся до внутренняго достоинства нынѣшняго времени. Прїятно видѣть, что требованїя его согласны съ улучшенїемъ человѣческаго состоянїя. Это

должно поощрять насъ къ исполненію сего требованія.

Для пріобрѣтенія физическаго благосостоянія, нашъ вѣкъ употребляетъ три главныя средства: 1. усиленіе промышленности машинами, 2. собщеніе съ разными краями свѣта и народами, 3. утвержденіе обязанностей и правъ каждаго члена общества. Я упоминаю только о тѣхъ средствахъ физическаго благосостоянія, которыя имѣютъ наиближайшее отношеніе къ наукамъ: потому не говорю здѣсь ни о сообществахъ (компаніяхъ), ни о раздѣленіи работъ (division du travail), ни о другихъ подобныхъ средствахъ, которыми въ наше время гражданственный человѣкъ получилъ возможность умножать чрезвычайно предметы богатства, и которыя, относясь болѣе къ цивилизаціи вообще, нежели собственно къ наукамъ, выходятъ изъ круга теперешняго нашего предмета розысканія.

1. *Усиленіе промышленности машинами.* «Промышленность, говоритъ одинъ славный Публицистъ нашего времени, есть «главная, можетъ быть, единственная мысль «нашего вѣка. Миролюбивая, независимая, «возстановительница достоинства человѣческаго въ томъ смыслѣ, что замѣняетъ «скрытное нищенствованіе, унижающее рав-

«но и того, кто даетъ, и того кто про-«ситъ, трудомъ, который оставляетъ сіе «достоинство неприкосновеннымъ, промыш-«ленность означаетъ новую эру.» Но безъ машинъ промышленность была-бы ничтожна, по крайней мѣрѣ слишкомъ малозначуща. Отъ того такое чрезмѣрное появленіе машинъ всякаго рода въ нынѣшнее время. Вездѣ ремесленники изгоняются изъ мастерскихъ своихъ работниками неодушевленными, сильнѣйшими, поспѣшнѣйшими, искуснѣйшими. Въ Англіи, гдѣ промышленность достигла до высокой степени совершенства, сіи производители народнаго богатства, созданные не природою, а рукою человѣческою, изъ куска дерева или метала, составляютъ какъ бы особенный, ужасный для прочихъ націй, родъ народонаселенія, безъ котораго Англія превратилась-бы въ небольшой Европейскій островъ. Нужны-ли доказательства силы машинъ? Приведемъ одно. Вычислено, что посредствомъ машинъ, двѣсти рукъ вырабатываютъ, въ наши времена, столько хлопчато-бумажныхъ тканей, сколько могли-бы ихъ выработать полвѣка тому назадъ, безъ машинъ, двадцать милліоновъ рукъ. Такой выводъ убѣдительнѣе всякаго кранорѣчія. Нужно-ли показать искуство машинъ? Вспомнимъ о паровой машинѣ, для которой (какъ замѣ-

чено въ собраніи, бывшемъ въ Лондонѣ, по поводу сооруженія памятника Уатту, усовершенствователю сей удивительной машины) нѣтъ ничего ни слишкомъ великаго, ни слишкомъ малаго, которая, какъ слоновый хоботъ, можетъ вырвать съ корнемъ дубъ и поднять съ земли булавку, съ одинакою легкостью сковать тяжелѣйшій якорь и проткнуть скважину въ иголкѣ, скрутить самый толстый канатъ и выпрясть наитончайшую нитку. Конечно не всѣ машины представляютъ столь необъятную силу и искуство; но вообще дѣйствіе ихъ почти чудесно. Онѣ стали необходимостью, и весьма рѣзко характеризируютъ нашу эпоху.

2. *Собщеніе съ разными краями свѣта и народами.* Природа не соединила въ одномъ мѣстѣ всѣхъ своихъ богатствъ; напротивъ того разсѣяла разныя богатства по разнымъ мѣстамъ. Сіи богатства истекаютъ первоначально изъ двухъ источниковъ: способностей земныхъ и способностей человѣческихъ. И тѣ и другія способности разнообразны до безконечности: каждый человѣкъ и каждый пунктъ земли отличаются своимъ особеннымъ родомъ способностей. Хотите ими воспользоваться? Для сего надобно имѣть съ ними сообщеніе. Отсюда необходимость, для пріобрѣтенія богатства, въ безчисленныхъ и

безмѣрныхъ, такъ сказать, сношеніяхъ между народами и краями земли. Недостаточность сообщенія можетъ поселить варварство тамъ, гдѣ должно-бы, по всѣмъ другимъ обстоятельствамъ, царствовать просвѣщеніе. Какая область Греціи не оставила ни одного литтературнаго памятника, была почти безъ искуствъ и цивилизаціи? Не та-ли, которой законодатель запретилъ принимать иностранцевъ, или имѣть съ ними сообщеніе? Читайте жизнь *Ликурга* у *Плутарха*. Обширность сообщеній есть одна изъ причинъ, почему Англія стала впереди всѣхъ прочихъ просвѣщенныхъ народовъ: премущество, къ которому природа, по видимому, ее не назначала. Природа не дала ей ни такой блистательности дарованій, какую видимъ во Франціи, ни такого глубокомыслія, которымъ отличается Германія. Но Англія скорѣе и дѣятельнѣе употребила средства, которыми пріобрѣтается физическое благосостояніе, въ томъ числѣ средства сообщенія (*). Теперь духъ сообщеній и путешест-

(*) Доказательствомъ страсти Англичанъ къ путешествіямъ, одному изъ дѣятельнѣйшихъ средствъ сообщенія, можетъ служить, между прочимъ, основаніе, въ 1822, въ Ливерпулѣ Общества путешественниковъ (Society of Travellers). Сіе общество со-

вій распространяется болѣе и болѣе между народами. Правительства и частные люди равно одушевлены симъ духомъ, столь благопріятствующимъ развитію богатства народнаго. Если какое Государство призвано благопріятствующею судьбою къ обширнымъ сообщеніямъ, то это Россія: она начинается отъ Полюса и простирается далеко въ старомъ и новомъ Свѣтѣ, занимая почти шестую часть земнаго шара. Время покажетъ, гдѣ она окончится. Средства, которыми она владѣетъ, велики: но какъ она ими будетъ пользоваться, это будетъ зависѣть отъ нее самой, а не отъ природы или счастія.

3. *Утвержденіе обязанностей и правъ каждаго члена общества.* Необходимость, польза и удовольствіе, требуютъ отъ человѣка (такъ какъ и отъ всякако другаго существа, сообразно съ удѣльными его силами), чтобы онъ употреблялъ природу, сколько можетъ, для себя собственно. Пока человѣкъ находится въ непросвѣщенномъ состояніи, онъ не много употребляетъ природы, потому что мало имѣетъ надъ нею силы: но съ успѣхами просвѣщенія сія сила болѣе и болѣе возрастаетъ, ибо *просвѣщеніе откры-*

стоитъ единственно изъ путешествовавшихъ съ цѣлію собственнаго наученія.

ваетъ средства управлять природою (*). И наконецъ природа начинаетъ служить ему почти всѣми своими произведеніями. Умѣть употребить всѣ произведенія природы въ свою пользу, или физическую, или умственную, или нравственную, есть идеальная цѣль просвѣщенія.

Но человѣкъ родился не одинъ: онъ отвсюду окруженъ себѣ подобными, которые имѣютъ такія-же требованія на природу, какъ и онъ самъ. Отсюда по необходимости должно происходить столкновеніе волей человѣческихъ, ихъ взаимное стѣсненіе, ихъ бездѣйствіе, если онѣ не условятся поступать всѣ единодушно. И такъ человѣку не только надобно учиться *управлять природою*, но и *управляться съ подобными себѣ*. Средства управляться съ подобными себѣ составляютъ посему особенную вѣтвь просвѣщенія, которая извѣстна подъ именемъ *гражданственности*, *цивилизаціи*, *гражданственнаго просвѣщенія*. Идеальная цѣль гражданственнаго просвѣщенія есть возможность пользоваться плодами просвѣщенія вообще *безъ*

(*) Объ этомъ мы говоримъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ. См. *Моск. Телегр.* часть XXXIV (1830, N 15) стр. 289 и слѣд.

всякаго препятствія со стороны ближняго. Средство для достиженія сей цѣли есть опредѣленіе и утвержденіе правъ и обязанностей каждаго члена общества. Сіи права и обязанности дѣлаются тѣмъ сложнѣе, чѣмъ болѣе начинаетъ человѣкъ пользоваться природою. Таковъ выводъ a priori; факты a posteriori совершенно доказываютъ справедливость сего теоретическаго вывода. Распространеніе знаній о правахъ и обязанностяхъ гражданственнаго человѣка сдѣлалось одною изъ характеристическихъ чертъ и необходимостей нашего времени.

Кажется, что мы разобрали достаточно, для нашего предмета, вопросъ о духѣ нынѣшняго времени. Сей духъ, какъ мы старались доказать, ищетъ *физическаго благосостоянія*, употребляя для сего: 1. *усиленіе промышленности машинами;* 2. *сообщеніе съ разными краями свѣта и народами;* 3. *утвержденіе обязанностей и правъ каждаго члена общества.*

Теперь не трудно опредѣлить: какихъ наукъ требуетъ особенно нынѣшній духъ времени, и увидѣть, соотвѣтствуетъ-ли употребляемая система дѣтскаго ученія сему требованію.

1. Для усиленія промышленности машинами,

нынѣшній вѣкъ требуетъ особенно *наукъ математическихъ и физическихъ.*

2. Для собщенія съ разными краями свѣта и народами, онъ требуетъ особенно *знанія живыхъ языковъ.*

3. Для утвержденія обязанностей и правъ каждаго члена общества, онъ требуетъ особенно *свѣденій политическихъ, гражданскихъ.*

Остановимся нѣсколько на сихъ пунктахъ.

1. Для усиленія промышленности машинами нужны по нынѣшнему вѣку, сказали мы, науки физическія и математическія. Стоитъ взглянуть на теперешнее состояніе наукъ, чтобъ увѣриться, какъ дѣятельно стараются въ наше время удовлетворить сей нуждѣ промышленности. Метафизика и подобныя науки, чисто умозрительныя, приходятъ въ упадокъ. Французы первые отстали отъ нихъ. Теперь въ отечествѣ *Мальбранша, Декарта* и *Паскаля* остается одинъ только *Кузен*, и тотъ успѣхами своими много одолженъ *практическимъ* примѣненіямъ Философіи къ Исторіи и Политикѣ. Въ Англіи, по признанію самихъ Англичанъ, Метафизика, послѣ слабаго своего дѣтства, которое никогда не могло достигнуть зрѣлаго возраста, вдругъ остановилась и погибла съ Профессоромъ *Стуартомъ* (*Dugald-Stewart*), послѣднимъ

ея воспитателемъ. Одна Германія, отечество мысли, по выраженію Г-жи *Сталь*, рѣшительно занимается Психологіею. Но любовь къ метафизическимъ умозрѣніямъ не составляетъ-ли одну изъ причинъ, почему Германцы, не смотря на ихъ дарованія, обширность просвѣщенія и неутомимое трудолюбіе, столь слабое имѣютъ вліяніе на міръ политическій, сравнительно съ Англичанами и Французами? *Ан'сильйон'* разбирая, въ одномъ изъ своихъ разсужденій, критическую Философію *Канта*, трансцендентальную *Фихте* и натуральную *Шеллинга*, наконецъ увлекается нѣкоторымъ родомъ энтузіасма къ глубокомыслію Германцевъ, и въ самой похвалѣ ей, заключаетъ выраженіе, остроумное и справедливое, которое весьма разочаровываетъ на счетъ метафизическихъ созерцаній. »Народъ, говоритъ онъ, отступающійся, »сколько возможно, отъ міра внѣшняго, и »котораго избранные мыслители, дѣйствіемъ »своей свободы, опускаются въ подземные »своды души, погружаются въ самихъ себя, »болѣе заслужитъ, чѣмъ пріобрѣтетъ удив»леніе; онъ предается не столько движенію »дѣятельной жизни, сколько движенію мысли; »вселенная сдѣлается его принадлежностью, »но *міръ иногда будетъ для него потерянъ*, »потому что онъ самъ останется слишкомъ

» покоенъ и слишкомъ занятъ глубиною сво-
» его существованія.» Собственно литтературные предметы выходятъ, не менѣе философскихъ, изъ употребленія. Вотъ почему люди съ отличными дарованіями, какъ *Шлегель*, *Вильмѐн'*, ищутъ въ Словесности не одного только синтаксиса, ораторскаго числа, мѣры, или того, чтобъ одѣть свою память отрывками изъ поэтовъ и прозаиковъ, на подобіе разноцвѣтной епанчи Діогеновой; но стараются соединить ее съ познаніями людей, нравовъ, законовъ, и объяснить сіи науки взаимно однѣ другими. Вообще всѣ начинаютъ признавать, что пора оставить школу словъ и вступить въ школу вещей. Положительный духъ времени не позволяетъ также заниматься много обольщеніями Стихотворства. Разсудокъ говоритъ нынѣшней молодости, будущей надеждѣ, какъ *ЯнгЪ-ФангЪ* (Ju-Kiao-Li, roman chinois publié par *Abel-Rémusat*) своему сыну: »Поэзія есть высокое
» искуство, которое заслуживаетъ всякое ува-
» женіе просвѣщенныхъ людей; но она не рѣд-
» ко бываетъ большимъ препятствіемъ для на-
» шихъ успѣховъ въ свѣтѣ. Кто уже показалъ се-
» бя заслугами, и утвердилъ свою извѣстность
» на прочномъ основаніи, тотъ пускай забав-
» ляется: но люди въ молодыхъ годахъ, какъ
« ты, должны предаваться важнѣйшимъ заня-

» тіямъ. Примѣровъ не мало, что молодые люди » съ отличнымъ талантомъ, въ самой вещи » ни къ чему не способны. Это болѣзнь, отъ » которой тебѣ весьма надобно предохранить » себя.» Подлинно стѣны городовъ не сооружаются уже нынѣ отъ звуковъ лиры, какъ стѣны Ѳивскія, и основательная проза гораздо нужнѣе въ жизни, чѣмъ самые сладкозвучные стихи. Не надобно однако думать, чтобъ вѣкъ нашъ былъ нечувствителенъ къ высокимъ или прекраснымъ вдохновеніямъ Поэзіи: слава *Байрона*, *Ламартина*, не позволяетъ въ этомъ сомнѣваться. Но истинныя дарованія даются природою чрезвычайно рѣдко, а полезнымъ членомъ общества обязанъ быть всякій, слѣдовательно натурально, что время-провожденіе съ Музами сдѣлалось въ общественномъ мнѣніи не позволительною забавою: можно отважиться на тысячу противъ одного, что эта забава убьетъ попусту драгоцѣнное время, и оставитъ въ невѣжествѣ человѣка, способнаго къ полезнымъ наукамъ или художествамъ. Что говоритъ хорошій нашъ стихотворецъ *Михаилъ Дмитріевъ* о самомъ себѣ?

Осталось позднее лишь въ сердцѣ сожалѣнье:
Зачѣмъ сіи часы, средь слабыхъ нѣжась Музъ,
Не могъ я посвятить на зрѣлое ученье! (*)

(*) Да не подумаетъ Г. *Дмитріевъ*, что мы его обви-

Если теперь взглянуть на состоянïе математическихъ, физическихъ, химическихъ, натуральныхъ, физïологическихъ, историческихъ, политическихъ наукъ, такихъ то есть наукъ, которыя преимущественно просвѣщаютъ; ибо открываютъ средства управлять природою, и управляться съ себѣ подобными: то какое рвенïе къ нимъ видимъ во всѣхъ образованныхъ народахъ! *Лапласы*, *Эрстеды*, *Араго*, *Ге-Люссаки*, *Тенары*, *Деви*, *Берцелïусы*, *Кювье*, *Гумбольдты*, *Меккели*, *Тиеманны*, *Геерены*, *Нибуры*, *Савиньи*, *Гизо*, *Мальтусы*, *Мякинтоши*, *Милли*, *Браумы*, *и Бентамы*, и подобные люди представляются въ множествѣ. Можно наполнить многïя страницы именами занимающихся съ успѣхами и славою сими науками, если захотѣть исчислять ихъ подробно. Это ясно обнаруживаетъ направленïе ума нынѣшняго времени. Какое участïе въ семъ направленïи имѣютъ науки математическïя, физическïя, натуральныя, требуемыя въ особенности механическою частïю промышленности, не нужно сказывать. Одно замѣтимъ: сими науками занимались болѣе или менѣе дѣятельно давно уже, но нынѣшнее время отличается,

---

няемъ въ невѣжествѣ. Мы приводимъ его слова только въ подкрѣпленïе нашего мнѣнïя о вредѣ, слишкомъ много заниматься стихотворствомъ.

относительно ихъ, общимъ стремленіемъ ученыхъ дѣлать практическія приложенія теорій въ пользу промышленности.

Спрашивается теперь: приготовляютъ-ли у насъ дѣтей къ симъ наукамъ, которыя сдѣлались такъ нужны въ наше время? Перечтемъ еще разъ все, чему учатъ дѣтей въ первоначальномъ воспитаніи; это: Басни, чтеніе, писаніе, Грамматика, Ариѳметика, Геометрія, Катихизисъ, иностранные языки, Священная, Всеобщая, Русская Исторія, математическая, политическая Географія, Риторика, Піитика, Миѳологія, Рисованіе, Танцованіе и Музыка. Въ этомъ реэстрѣ мы видимъ только Ариѳметику, Геометрію, и Рисованье, которыя приготовляютъ къ математическимъ и физическимъ наукамъ. Кто не согласится, что это приготовленіе къ одному изъ самыхъ сильныхъ требованій нашего времени слишкомъ слабо, особенно когда подумать, что первоначалное воспитаніе можетъ продолжаться до 14 лѣтняго возраста, и далѣе? Какъ! сынъ вашъ вступаетъ въ юношескіе годы; разумъ его начинаетъ дѣйствовать съ нѣкоторою уже силою; природа раскрывается передъ нимъ во всей своей обширности: а онъ что находитъ въ своей памяти, касательно сей природы? Ничего, кромѣ нѣкоторыхъ средствъ для самыхъ про-

стѣйшихъ ариѳметическихъ выкладовъ и геометрическихъ рѣшеній. Какъ вы ограничиваете съ этой стороны его разумъ! Какъ особенно стѣсняете передъ нимъ природу, которую нисколько ему не показывали, въ которой онъ все видитъ, и ничего не примѣчаетъ, на подобіе животныхъ! Скоро общество вызоветъ его къ себѣ; это, какъ смерть, неизбѣжно, если только сія смерть не предускоритъ сего вызова. Общество потребуетъ отъ него участія въ трудахъ своихъ. А онъ какія пріобрѣлъ для этого силы? Вы оставили его до сихъ поръ въ младенческой слабости, относительно одного важнаго разряда знаній: и между тѣмъ вы прилагали, можетъ быть, все стараніе для его наученія; не щадили для сего ни трудовъ, ни денегъ. Со всѣми вашими попеченіями, со всѣми пожертвованіями, совѣсть говоритъ-ли вамъ, что вы исполнили родительскій долгъ вашъ совершенно? Едва-ли она можетъ это сказать. Этого мало, чтобъ рѣшиться на разныя пожертвованія въ пользу дѣтей: вамъ надобно отдать еще себѣ вѣрный отчетъ въ томъ, что вы называете пользою дѣтей, и не ошибаетесь-ли въ этомъ случаѣ. Не забудьте, что вы сѣете сѣмена будущаго благосостоянія или бѣдствія дѣтей своихъ на всю жизнь. Это требуетъ полнаго вашего вниманія.

Правда, съ первоначальнымъ ученіемъ не все умственное воспитаніе оканчивается; напротивъ, оно есть только первый къ нему приступъ. Но если дѣтскія лѣта пройдутъ, легко-ли замѣнить ихъ? Молодой человѣкъ въ состояніи-ли будетъ понести на себѣ всю тяжесть умственныхъ работъ и дѣтскаго и юношескаго возраста? Память, которая въ наибольшей силѣ вообще раскрывается между 8-мъ и 16-ю годами, не измѣнитъ-ли его усиліямъ? Страсти, которыя начинаютъ въ его сердцѣ дѣйствовать, оставятъ-ли ему довольно времени, чтобъ вознаградить потерю дѣтскихъ годовъ? Данное направленіе въ раннемъ возрастѣ легко-ли послѣ перемѣнить? Наконецъ обстоятельства будутъ ли постоянно благопріятствовать его ученію? Сколько представляется опасностей на пути умственнаго его усовершенствованія! Какъ слѣдовательно должно дорожить для наукъ безцѣннымъ временемъ дѣтскаго возраста!

2. Мы сказали далѣе, что для сообщенія съ разными краями свѣта и народами, нужно особенно, по нынѣшнему времени, *знаніе живыхъ языковъ*. Дѣйствительно, царство мертвыхъ языковъ, въ наше время прекращается. Умственная монополія Эллинистовъ и Латинистовъ почти потеряла вовсе свою силу. Знанія дѣлаются теперь общею принадлежностью и необходи-

мостью; они перестали облекаться Греческими или Латинскими гіероглифами, понятными одной только касте, богатой педантами, которая какъ-бы хотела завладеть всеми сокровищами ума, и скрыть ихъ отъ общаго употребленія. Не слишкомъ еще давно почиталось высокимъ просвещеніемъ разсуждать на Латинскомъ языке о Греческомъ синтаксисе, количестве, удареніяхъ, или читать *Гомера*, такъ искусно, что *Гомеръ*, если-бы могъ слышать это чтеніе, вероятно не узналъ-бы ни стиховъ своихъ, ни языка; но теперь мненіе объ этомъ совершенно переменяется, хотя, къ сожаленію, предубежденіе въ пользу мертвыхъ языковъ еще велико. Предразсудки, укорененные глубоко временемъ, трудно истребляются. (*) Но какъ-бы

(*) Мы были недавно свидетелями необыкновенно блистательнаго действія предразсудка въ пользу Латинскаго языка. Людовику XVIII поднесенъ былъ, 22 Октября 1821 года, адресъ, на Латинскомъ языке, подписанный многими Профессорами и Литтераторами, объ основаніи *Латинскаго города*, посредствомъ Европейской подписки. Докторъ Богословіи, Аббатъ *д'Ольмо*, выдалъ потомъ въ публику сей любопытный адресъ, съ Французскимъ переводомъ (Traduction, avec le texte en regard, de l'adresse latine, signée par plusieurs professeurs et gens de lettres, et présentée à S. M. Louis XVIII, le 22 Octobre 1821, sur le projet de la fondation d'une Ville Latine, par le moyen

они ни были сильны, они должны наконецъ уступить разсудку; и уступаютъ ему: во многихъ мѣстахъ образованнаго свѣта слыш-

---

d'une souscription Européenne; par M. l'Abbé *d'Olmo*, docteur en théologie. Paris, 1824. II et 99 pag. in-8). Ученый Докторъ силенъ непобѣдимыми аргументами о необходимости Латинскаго города. Вотъ сіи аргументы: 1. (pag. 13.) Писатели наши худо поступаютъ, сочиняя на своемъ природномъ языкѣ; (pag. 17.) Никто изъ Европейцевъ не можетъ писать на живомъ иностранномъ языкѣ, между тѣмъ какъ всякій можетъ весьма хорошо писать по Латынѣ; 3. (pag. 19.) Новые наши языки не способны ни для распространенія, ни для сохраненія знаній; 4. Учрежденіе Латинскаго языка нынѣ въ пренебреженіи (наконецъ, слава Богу, правда!) Аббатъ *д'Ольмо*, истинный воспитанникъ древности, почитаетъ, еще справедливѣе *Платона*, лучшимъ гражданиномъ того, «кто наилучше будетъ сохранять и почитать права Божескія и человѣческія, и чистоту Латинскаго языка (qui aura observé et honoré le mieux les droits divins et humains et la pureté de langue latine»). Послѣ такого опредѣленія лучшаго гражданина, становится понятно, почему ученый Докторъ назвалъ, въ Латинскомъ текстѣ (pag. 40) Испанскую Королеву *Изабеллу*, принявшую планъ *Колумба*, Елизаветою: этого требовала чистота Латинскаго языка, гдѣ нѣтъ имени Isabella, и нѣкоторая утонченность Испанскаго языковѣденія. Но для чего онъ употребилъ и во Французскомъ текстѣ (pag. 41) сію странную утонченность языковѣденія, понять не легко. Впрочемъ и весь этотъ Латинскій адресъ есть непонятное въ нынѣшнія времена явленіе.

ны уже справедливыя порицанія мнимой надобности учиться всякому по Латынѣ; Греческій языкъ гораздо прежде упалъ въ общемъ мнѣніи; начинаютъ основывать ученыя заведенія, гдѣ Латинскій и Греческій языки почти изключаются. Въ 1826 году 4 Марта сдѣлано было публичное собраніе главныхъ жителей Филадельфіи, по случаю учрежденія Политехническаго и Сціентифическаго Коллегіума въ семъ городѣ; 21 день спустя, Президентъ Комитета, *Browne*, представилъ донесеніе, изъ котораго помѣщаемъ здѣсь извлеченіе; оно примѣчательно:

»Комитетъ рѣшаетъ, чтобъ въ новомъ »Коллегіумѣ преподавались преимущественно »всѣ вѣтви познаній, относящихся къ Земле- »дѣлію, Механикѣ и фабрикамъ, также необ- »ходимыхъ Архитекторамъ, гражданскимъ »Инженерамъ, купцамъ и другимъ дѣловымъ »людямъ; таковы: обыкновенная и десятич- »ная Ариѳметика, Грамматика, Словесность, »Географія, Исторія, Хронологія, Матема- »тика, Естественная Философія, включая »сюда Механику и Астрономію, Химія, Ми- »нералогія, Политическая Экономія, общія »основанія Правленія и Юриспруденціи, новые »языки, и имянно Французскій, Нѣмецкій и »Испанскій. *Латинскій и Греческій языки*

»*назначаются только тѣмъ, которые бу-*
»*дутъ имѣть для сего желаніе, время и*
»*способы.*»

Нужно-ли замѣтить, что ученіе Греческаго и Латинскаго языковъ охуждается только, какъ *общее* занятіе, а не какъ часть наукъ человѣческихъ? Какъ часть наукъ человѣческихъ, оно имѣетъ высокую цѣну; но то же можно сказать и о другихъ мертвыхъ языкахъ, на пр. о Санскритскомъ, Египетскомъ и пр., къ которымъ никто не думаетъ обязывать всякаго. Какъ *общее* занятіе, оно достойно осужденія: потому что польза его далеко не отвѣчаетъ пожертвованію времени; время, котораго требуетъ сіе ученіе, несравненно большую принесетъ пользу, если употреблено будетъ на науки, которыхъ требуетъ практическое существованіе общества. Впрочемъ есть одно обстоятельство, которое принуждаетъ учиться почти всѣхъ до нѣкоторой степени по Латынѣ и по Гречески: это образованіе техническихъ терминовъ. Извѣстно, что они берутся преимущественно изъ сихъ двухъ мертвыхъ языковъ: нѣтъ сомнѣнія, что нужно знать значеніе сихъ терминовъ. Но цѣль сія вовсе не требуетъ глубокаго ученія языка *Гомера и Виргилія*. Глубокаго, то есть, не поверхностнаго, а основательнаго, ученія требуютъ

живые языки, заключающіе въ себѣ всю массу нынѣшнихъ человѣческихъ познаній, мыслей и чувствованій, принадлежащихъ такимъ народамъ, или людямъ, съ которыми мы или находимся, или бываемъ, или можемъ быть въ сообщеніи, по долгу службы, по требованіямъ наукъ, промышленности и коммерціи, по охотѣ къ путешествіямъ, словомъ: по разнымъ и многимъ обстоятельствамъ жизни. Въ военное время примѣры не рѣдки, гдѣ знаніе того или другаго изъ сихъ языковъ спасало отъ смерти. Но было бы совершенно излишне доказывать пользу живыхъ языковъ. Учатъ ли симъ языкамъ у насъ: вотъ предметъ, который теперь до насъ касается.

Прежде всего замѣтимъ, что мы не можемъ жаловаться слишкомъ на великое злоупотребленіе времени въ пользу мертвыхъ языковъ. Правда, для Латинскаго языка мы вобще жертвуемъ двумя или тремя годами, чтобъ получить нѣкоторыя свѣденія, не переходящія далеко за первоначалія Грамматики. Эта жертва приносится нѣкотораго рода необходимости; и какъ скоро сія необходимость проходитъ, то Латинскій языкъ тотчасъ предается забвенію. Что касается до Греческаго, то можно ручаться, что богатое Парижское изданіе *Stephani* thesaurus Linguæ Græcæ,

о которомъ возвѣщено было прошедшаго года, не смотря на свои charta glutinata membranacea и XXVIII fasciculi in folio, не потечетъ рѣкою въ Россію. Полагаемъ, что сіе богатое изданіе, какъ и Англійское *Вальпіанское*, которое почти въ четверо его дороже, поступитъ на покой въ библіотеки— литтературные саркофаги — ученыхъ обществъ Англійскихъ Лордовъ. Можетъ однако случиться, что и истинные Эллинисты, которыхъ числомъ отъ четырехъ до пяти находится въ одной Европѣ, будутъ также имъ пользоваться, не смотря на утѣшительныя слова *Проспекта* о цѣнѣ, что liber totus venibit 336 tantum Francis. Впрочемъ до сихъ поръ, кажется, ни чего еще не вышло въ публику, изъ прессовъ Дидотовскихъ, сего обѣщаннаго изданія *Стефанова* Словаря; кажется, что и въ Германіи ничего еще не вышло сего Словаря, котораго изданіе обѣщано было тамъ *Диндорфомъ*, подъ заглавіемъ: Editio in Germania et America princeps. Не подписчики-ли тому причиною? Это весьма можетъ статься. Сказавши, что не многимъ временемъ жертвуемъ для древнихъ языковъ, можемъли также сказать, что не жалѣемъ его и для живыхъ? Едвали. Всѣ хотятъ знать одинъ языкъ, именно Французскій, о прочихъ заботятся мало. И Фран-

цузскій языкъ почитается необходимостью, не столько для того, чтобъ дѣйствительно знать его, сколько для того, чтобъ говорить на немъ. Отъ того происходитъ у насъ смѣшное, можно сказать, пристрастіе къ хорошему Французскому произношенію. Нѣкоторые родители, особенно родительницы, сгорѣли-бы отъ стыда, если бы дѣти ихъ не умѣли чисто выговорить за столомъ: donnez-moi de l'eau, le kwass est bon, и подобныхъ отвлеченностей (всякій чувствуетъ, что такія таинственныя рѣчи непремѣнно надобно говорить по Французски; иначе прислуживающіе люди, народъ болтливый и опасный, могутъ подслушать, разнести эти рѣчи, куда не надобно, и надѣлать бѣдъ измѣнническою нескромностью); но они ни мало не покраснѣли бы, если бы нашлось, что ихъ дѣти, хотя бы были 20-ти лѣтъ и больше, ничего не умѣютъ сказать, при случаѣ, о системѣ *Мальтуса*, *Гитона* (Hutton) *и Вернера*, младшаго *Шампольона*, или объ Англійскомъ пауперизмѣ, даже объ Испанскихъ *majo*, и подобныхъ предметахъ.

Спѣшимъ замѣтить, что теперь мысли о Французскомъ языкѣ вообще становятся основательнѣе; что многіе перестаютъ искать одного только произношенія и умѣнія говорить; что начинаютъ искать во Французскомъ язы-

кѣ больше дѣйствительнаго и полезнаго знанія, чѣмъ ложнаго, которое служитъ только для хвастовства. Спѣшимъ еще прибавить, что, кромѣ Французскаго языка, постепенно распространяется у насъ знаніе Нѣмецкаго и частію Англійскаго. Но не можемъ не признаться, что сіи послѣдніе языки, Англійскій особенно, еще очень мало вошли въ общую систему ученія, не почитаются еще, какъ-бы должно, необходимостью хорошаго воспитанія.

3. Теперь слѣдовало бы говорить о наукахъ политическихъ и гражданскихъ, которыхъ требуетъ нынѣшній вѣкъ для знанія обязанностей и правъ каждаго члена общества; но дѣтскій возрастъ, который мы имѣемъ теперь въ виду, не способенъ для сихъ наукъ: и такъ мы не можемъ войдти о семъ предметѣ ни въ какія объясненія.

Какое заключеніе изъ всего сказаннаго? То, что нынѣшняя система дѣтскаго ученія не отвѣчаетъ въ точности ни одному изъ четырехъ условій, необходимыхъ для первоначальнаго умственнаго воспитанія: 1. что она не соразмѣрна, особенно по правилу ученія, съ дѣтскими понятіями; 2. что ее нельзя начинать съ самаго ранняго дѣтскаго возраста; 3. что она препятствуетъ физическому, и не довольно способствуетъ ум-

ственному развитію дѣтскихъ способностей; 4. что наконецъ слишкомъ мало приготовляетъ къ свѣденіямъ, которыя нужны по нынѣшнему духу времени.

Столько недостатковъ нынѣтней системы дѣтскаго ученія требуютъ безъ сомнѣнія исправленія ея. Надобно рѣшиться: а) *измѣнить* въ ней несогласное съ предполагаемою цѣлію, b) *исключить* излишнее, с) *дополнить* недостающее. И такъ должно обратить вниманіе на три пункта: измѣненіе, исключеніе, дополненіе.

ИЗМѢНЕНІЕ.

Что надобно измѣнить въ нынѣтней системѣ дѣтскаго ученія? Полагаемъ, что многіе читатели предупредили уже насъ отвѣтомъ.

Во первыхъ *правило* ученія, требующее преподаванія дѣтямъ какой нибудь науки *вкратцѣ*, но всей, сряду отъ начала до конца, должно быть оставлено: потому что дѣлаетъ науки дѣтямъ, какъ мы выше старались показать (стр. 32), неприступными. Есть правило натуральнѣе сего, самое натуральное; это: *учить дѣтей изъ какой нибудь науки только тому, что не превышаетъ ихъ понятія, не затрудняетъ много ума ихъ.* Съ симъ правиломъ вы

можете смѣло начинать учить ихъ всякой наукѣ, какой угодно: ибо всякая наука, какъ море, имѣетъ свои мелкія мѣста, такъ какъ и на оборотъ, всякая имѣетъ свои глубины, даже бездонныя. Передавши ученику изъ какой нибудь науки все, что есть въ ней легкаго, то есть, все, для чего онъ не долженъ дѣлать слишкомъ великихъ умственныхъ усилій, оставьте на время эту науку, возмите другую, третью, четвертую, и такъ далѣе, расположите всѣ эти науки такъ, чтобъ онѣ одна другой помогали. Пока ученикъ собираетъ разныя знанія изъ сихъ наукъ, разсудокъ его, по естественному закону, укрѣпляется; какъ скоро вы почувствуете, что его разсудокъ довольно укрѣпился, и можетъ уже безъ опасности сражаться съ трудностями прежней науки, которую вы было отложили, то начинайте заниматься опять съ нимъ сею прежнею наукою: новыя трудности заставятъ опять васъ удалиться отъ нее, новыя силы опять возвратятъ къ ней; и такъ до конца. Посредствомъ сего *правила* ученикъ безпрестанно, съ *наивозможно малыми усиліями*, будетъ пріобрѣтать новыя свѣденія, горизонтъ ума его будетъ распространяться нечувствительно, но безпрерывно и легко. Правда, исполненіе сего *правила*

требуетъ большаго искусства со стороны учителя: учитель не только долженъ знать всѣ мели и глубины науки — вещь не маловажная —, но и угадывать тотчасъ всю слабость и силу ученика своего, и поступать, *не теряя времени*, сообразно съ сею слабостью или силою: но въ этомъ-то и состоитъ достоинство сего *правила*, что оно переноситъ бо́льшую часть тяжести съ плечь младенческихъ на плеча взрослаго человѣка, бо́льшую часть трудности ученія отъ ученика къ учителю. Здѣсь видимо сильный помогаетъ слабому. Что этого натуральнѣе въ семъ случаѣ?

Во вторыхъ — и это уже относится не къ правилу ученія, а къ *выбору* наукъ — должно учить дѣтей сколько возможно менѣе тому, что требуетъ особенныхъ усилій ума и воображенія, и сколько можно болѣе тому, что требуетъ памяти: потому что для особенныхъ усилій ума и воображенія дѣти не имѣютъ довольно силъ; а память у нихъ прекрасная. Какія же науки требуютъ особенныхъ усилій ума и воображенія? Чисто *словесныя*. Мы не говоримъ, что для сихъ наукъ нуженъ большой умъ, но большія усилія ума. Чтобъ получить способность выражать красивыми словами самую обыкновенную мысль, чтобъ говорить много и кудряво

о чемъ-бы то ни было, съ малымъ количествомъ мыслей, чтобъ привлекать вниманіе затѣйливыми оборотами къ такому предмету, который самъ собою никакого, можетъ быть, не заслуживаетъ вниманія; для этого надобно несносно работать головою. Правда, со временемъ эта работа дѣлается не тяжела; но каково съ начала? Надобно выломать такъ голову, какъ театральные балетчики выламываютъ себѣ ноги для антреша. И какая польза отъ *этого* рода мозговой гимнастики въ нынѣшній положительный вѣкъ? Не очевидный-ли вредъ, напротивъ того, пріучать къ сочиненіямъ молодаго человѣка, или еще ребенка, о такихъ вещахъ, о которыхъ онъ не имѣетъ еще хорошаго понятія? Пріучать къ витійству, прежде нежели онъ запасся идеями? Не привыкнетъ ли онъ отъ этого къ смѣшной самонадѣянности на свои способности, къ пустому болтовству о ничтожныхъ предметахъ, или завиранью о предметахъ, которыхъ онъ не понимаетъ? Не получитъ-ли бѣдный этотъ человѣкъ мысли, что нанизывать отборныя и яркія слова, цвѣтныя фразы, на какую нибудь гнилую ниточку мысли, есть важное занятіе въ жизни. Но я примѣчаю, что увлекаюсь и самъ въ пустоцвѣтныя выраженія, говоря о пустоцвѣтномъ родѣ Литтературы.

Дѣло другое, передавать мысли свои просто, ясно и чистымъ отечественнымъ языкомъ. Это искуство весьма важно. Хотя оно и не составляетъ собственно *знанія*, ибо не увеличиваетъ въ умѣ числа полезныхъ истинъ, но служитъ, какъ и иностранные языки, вспомогательнымъ средствомъ *для знанія*, и, какъ сіи языки, пріобрѣтается помощію упражненія, навыка. По этому мы думаемъ, что весьма нужно занимать дѣтей *частыми сочиненіями на природномъ языкѣ*, не для того, чтобъ они умѣли составлять вытіеватые періоды, а для того, чтобъ получили способность хорошо и скоро излагать свои мысли. Такія занятія сочиненіями не выше-ли дѣтскихъ способностей? Отвѣчаемъ смѣло, что нѣтъ; только не требуйте отъ дѣтей продолжительныхъ и трудныхъ сочиненій. Что дѣлаетъ ребенокъ, когда повторяетъ передъ вами, не слово въ слово (обстоятельство изъ обыкновеннѣйшихъ обыкновенное), урокъ свой? Пересказываетъ вытверженное, и вмѣстѣ сочиняетъ. Сочиненіе это выше-ли его силъ? Смѣшно спрашивать. Это обстоятельство показываетъ само собою, какъ можно приняться съ дѣтьми самымъ естественнымъ образомъ за сочиненія. Надобно, чтобъ они своими словами передавали *опредѣленную для сего часть*

урока. Почему опредѣленную только часть урока, а не весь урокъ? Потому что весь урокъ великъ, и, можетъ быть, труденъ для этого. И такъ вотъ метода постепенныхъ сочиненій:

Сперва опредѣлите ученику вашему, для переданія собственными его словами, къ слѣдующему уроку, не большую и притомъ самую легкую для объясненія часть того, о чемъ онъ только что кончилъ учиться; потомъ, соображаясь съ его силами, можно назначать ему, для сочиненій, части урока больше и больше, труднѣе и труднѣе, только не надобно спѣшить: это важное правило для вѣрнаго успѣха. Сначала сей родъ сочиненій будетъ только *словесный*, потому что дѣти пишутъ медленно, и слишкомъ много-бы потеряли времени на писаніе, которое сверхъ того для нихъ очень скучно; потомъ *письменный*, когда скоро-писаніе перестанетъ быть для нихъ большою трудностью. Учитель, разумѣется, поправляетъ сочиненіе: сначала дѣлаетъ весьма легкія и не многія замѣчанія о искусствѣ языка; потомъ сіи замѣчанія, по правилу постепенности, могутъ быть разнообразнѣе и труднѣе. Сіи первые опыты сочиненій пріучатъ мало по малу ученика передавать съ нѣкоторою свободою и красотою, словесно или

письменно, самыя тяжелыя въ семъ отношеніи части своихъ уроковъ; когда онъ достигнетъ до этого, тогда отъ уроковъ можетъ перейдти уже къ посторроннимъ предметамъ, и приступить къ сочиненіямъ на какую нибудь заданную тему, постепенно болѣе и болѣе затруднительную: здѣсь его упражненія должны уже быть соединены съ правилами Риторики.

Мы говорили о томъ, что̀ почитаемъ нужнымъ *измѣнить* вообще въ употребляемой до сихъ поръ системѣ первоначальнаго ученія; теперь исчислимъ науки, которыя мы почитаемъ въ ней излишними.

ИСКЛЮЧЕНІЕ.

Сюда относимъ: древніе языки, Риторику, Піитику и Исторію. Мы не исключаемъ ихъ вовсе изъ системы дѣтскаго воспитанія, а только весьма ограничиваемъ изученіе ихъ.

По Гречески довольно учиться столько, чтобъ понимать техническіе термины, взятые изъ сего языка. Для сего нужно, выучивъ дѣтей читать и писать по Гречески, заставлять ихъ учить наизусть тѣ Греческія слова съ Русскимъ значеніемъ, которыя входятъ въ составъ техническихъ терминовъ; термины-же сіи брать не наудачу, а

отмѣчать ихъ всякой разъ, какъ скоро они сами собою встрѣтятся во время преподаванія какой нибудь науки. Я прошу читателя взглянуть на помѣщенные въ концѣ сей книжки уроки: въ нихъ онъ увидитъ объясненіе того, о чемъ я здѣсь говорю. Слѣдовательно, по моему мнѣнію, ученіе Греческаго языка, кромѣ читанія и писанія по Гречески, не должно составлять особеннаго класса, а должно входить, болѣе или менѣе, во всѣ уроки, по случаю техническихъ терминовъ. Такимъ образомъ пожертвованіе времени въ пользу Греческаго языка будетъ очень не велико.

По Латынѣ полезно учиться нѣсколько болѣе, и не только разумѣть смыслъ техническихъ терминовъ, взятыхъ изъ Латинскаго языка, но и понимать такъ называемыя *Линнеевскія фразы*, употребляемыя натуралистами. Для Латинскихъ техническихъ терминовъ предлагаемъ туже методу, какъ и для Греческихъ. Что касается до *Линнеевскихъ* фразовъ, то ихъ не льзя разумѣть безъ самыхъ необходимѣйшихъ правилъ Латинской Грамматики. Но далѣе сихъ *необходимѣйшихъ* правилъ идти не нужно. По этому и Латинскій языкъ не потребуетъ много времени: отъ *Линнеевскихъ* фразовъ до періодовъ ***Тацита*** или стиховъ ***Горація***

разстояніе необъятно, относительно трудностей Латинскаго языка.

Въ правила Піитики едва-ли позволительно углубляться много и юношескому возрасту, не только дѣтскому. Для дѣтей довольно имѣть нѣкоторое только понятіе о механизмѣ стихотворства. Заниматься-же сочиненіемъ стиховъ имѣютъ право только люди съ истинными дарованіями къ Поэзіи.

Риторикѣ надобно учить дѣтей нѣсколько болѣе, чѣмъ Піитикѣ, и то уже въ послѣдней половинѣ, болѣе къ концу, дѣтскаго возраста. Причина сему видна изъ предъидущаго.

Уже было замѣчено (стр. 33), что Исторія не соразмѣрна съ дѣтскими понятіями. Но должно-ли исключить рѣшительно все, что относится къ Исторіи, изъ занятій первоначальнаго ученія? Этого не говоримъ. Все, чѣмъ можно показать раннему возрасту силу человѣка, со стороны сердца, ума, характера, дарованій, безъ сомнѣнія весьма полезно. Чѣмъ-же можно показать эту силу человѣка? Частными жизнеописаніями. — По сему мы думаемъ, что избранныя Біографіи примѣчательныхъ людей могутъ составить весьма важную книгу для дѣтскаго возраста. Къ сожалѣнію, нѣтъ ни въ одной Литтературѣ сей книги, прилично написанной. Біо-

графія, по видимому, есть одинъ только видъ Исторіи, который можетъ сообразоваться съ дѣтскимъ возрастомъ, потому что онъ легко передаетъ душѣ важныя истины. Жизни людей, гдѣ особенно видно божественное достоинство человѣка, или по высокой любви къ ближнему, какъ у *Сократа*, *Ласъ Казаса* и *Песталоцци*, или по могуществу характера, какъ у *Колумба*, или по неутомимости въ исполненіи своего предпріятія, какъ у *Ліонне* (Lionnet), могутъ заронить въ сердце искры благороднаго соревнованія и возвышающаго душу энтузіасма, искры, которыя способны тлѣть до времени, и превратиться потомъ въ великое пламя.

Полагаемъ, что собственно Исторія можетъ войдти въ массу дѣтскихъ наукъ только подъ конецъ первоначальнаго умственнаго воспитанія.

ДОПОЛНЕНІЕ.

Въ систему первоначальнаго ученія должны войдти Нѣмецкій и Англійскій языки, должны войдти *Физика*, *Химія* и *Механика*, въ надлежащее время и въ надлежащемъ видѣ. Сперва изъ Механики, на примѣръ, довольно знать дѣтямъ, что такое клинъ, что

шакое блокъ, что называется маховымъ колесомъ, и ш. п. При объясненіи имъ сихъ предметовъ, должно непремѣнно показывать сіи предметы, или въ натурѣ, или фигурами. Надобно, чтобъ умъ ихъ получалъ идеи черезъ собственныя ихъ чувства.

Но основаніемъ первоначальнаго ученія, особенно ранняго, должна быть *Натуральная Исторія*, во всѣхъ ея главныхъ вѣтвяхъ: потому что никакая наука такъ совершенно не отвѣчаетъ всѣмъ условіямъ хорошаго умственнаго воспитанія дѣтей, какъ Натуральная Исторія. Въ этомъ отношеніи она беретъ преимущество передъ самыми живыми языками, весьма впрочемъ приличными первоначальному ученію. Въ самой вещи:

I. *Она, изъ всѣхъ наукъ, самая понятная для дѣтей.* Конечно всѣ науки имѣютъ въ себѣ болѣе или менѣе доступнаго дѣтскому понятію; но ни одна столько, какъ Натуральная Исторія. Дѣти съ весьма обыкновенными способностями, но съ хорошею памятью и нѣкоторымъ прилежаніемъ, могутъ успѣть въ ней чрезвычайно.

II. *Ей можно начать учить дѣтей съ весьма ранняго ихъ возраста*: во первыхъ потому, что она простѣе прочихъ наукъ; во вторыхъ потому, что дѣти занима-

ются ею охотнѣе, нежели прочими, находя въ ней пріятную пищу своему любопытству, которое врожденно особенно дѣтскому возрасту. Самый нѣжный возрастъ, когда не только слабъ разсудокъ, но не крѣпка и самая память, не неспособенъ уже къ нѣкоторымъ занятіямъ по Натуральной Исторіи. Сей возрастъ на пр. можно уже знакомить съ различіями цвѣтовъ (colores), которыми окрашены вещи въ природѣ; для сего могутъ быть полезны образчики цвѣтовъ *Жарля*, Barême des couleurs и подоб.; можно знакомить особенно съ природою посредствомъ столь любимыхъ дѣтьми изображеній различныхъ звѣрей, птицъ, рыбъ, пресмыкающихся, раковинъ, насѣкомыхъ, растеній и такъ далѣе. Показывая сіи существа природы, можно называть имена ихъ, дѣлать даже нѣкоторую ихъ характеристику, обращая особенное вниманіе дѣтей на отличительные признаки сихъ существъ.

III. *Она служитъ физическому и умственному развитію.* Припомнимъ, что для физическаго и умственнаго развитія мы положили правилами: упражненіе тѣлесныхъ и умственныхъ способностей; упражненіе сихъ способностей соразмѣрно съ ихъ силою; совершенствованіе органовъ чувствъ. Всѣмъ симъ правиламъ совершенно отвѣчаетъ Нату-

ральная Исторія. Она не только упражняетъ умственныя, *но и тѣлесныя силы:* экскурсіи въ пользу Ботаники, насѣкомыхъ, минераловъ и тому подобнаго, служатъ для ума и тѣла вмѣстѣ. Она занимаетъ столько, что самыя прогулки дѣтей обращаются въ нѣкоторый родъ уроковъ. Собираніе растеній, бабочекъ, насѣкомыхъ, въ большемъ возрастѣ ловленіе птицъ, пресмыкающихся, рыбъ, млекопитающихъ, можетъ доставлять и пользу и удовольствіе. Физіологія показываетъ, что дѣтскій возрастъ любитъ, и непремѣнно требуетъ, большаго тѣлеснаго движенія. Ученіе Натуральной Исторіи не только не препятствуетъ ему, но и само его вынуждаетъ. Этого мало; Натуральная Исторія совершенствуетъ чувства: что лучше ея можетъ пріучить глазъ къ точному сужденію о формахъ, цвѣтахъ, размѣрахъ? Тысячи оттѣнковъ, тысячи тонкостей, которыя обыкновенно изчезаютъ отъ глазъ не занимавшагося предметами природы, примѣтны глазу натуралиста. Если-бы Натуральная Исторія совершенствовала только чувство зрѣнія, то уже одна эта выгода дала-бы ей право занять мѣсто между науками первоначальнаго воспитанія. Какое еще удивительное ея свойство! Она приспособляется ко всѣмъ понятіямъ, принимаетъ

такую величину, для какой кто способенъ: вы не найдете такого слабаго ума, для котораго-бы она показалась слишкомъ трудною, но и не найдете такого сильнаго ума, который бы нашелъ ее слишкомъ легкою; она легка и трудна въ высочайшей степени; какъ горизонтъ небесный, ея предѣлы недоступны никакому телескопическому зрѣнію, и со всѣмъ тѣмъ надобно быть совершенно слѣпымъ, чтобы не обнять ее въ чрезмѣрной обширности; соразмѣрна со всѣми способностями и со всѣми огромна.

IV. *Она приготовляетъ къ свѣденіямъ, которыхъ требуетъ нынѣшній духъ времени.* Мы оставляемъ это здѣсь безъ доказательства, чтобъ не повторять говореннаго выше.

Почитаемъ также весьма полезными для первоначальнаго ученія Анатомію, Рисованье съ натуры (на пр. по способу Г-жи le Breton) и Черченье, потому что онѣ представляютъ выгоды такого же рода, какъ и Натуральная Исторія, только въ меньшей степени.

И такъ, къ обыкновенному числу наукъ первоначальнаго ученія находимъ нужнымъ прибавить: Натуральную Исторію, Анатомію, Физику, Химію, Механику, Нѣмецкій и Англійскій языки, Рисованье съ натуры,

Черченье и сочиненія на Русскомъ языкѣ. «Какая бездна наукъ! скажетъ иной: этого «много и для взрослаго!» Отвѣчаемъ: и одной науки много для взрослаго, если-бы захотѣть того, чтобъ истощить весь запасъ ея свѣдѣній. Науки всѣ безконечны, потому что всѣ имѣютъ предметомъ природу, а природа границъ не имѣетъ. Слѣдовательно дѣло не въ томъ, чтобы выучиться какой нибудь наукѣ, а въ томъ, чтобы выучиться какимъ нибудь предметамъ изъ наукъ. Все равно, составятъ-ли эти предметы массу знаній, которую вы назовете однимъ именемъ Математики, или такую массу, которую вы назовете вмѣстѣ именами и Математики, и Натуральной Исторіи, и Физики, и Химіи, и Англійскаго языка, и Рисованья и пр.: ибо какъ ни называйте ее, она требуетъ для себя одинакаго количества времени. Но не все равно, если эта масса будетъ только изъ Математики, или вмѣстѣ изъ Математики, Натуральной Исторіи, Физики и такъ далѣе. Вся Энциклопедія, въ нѣкоторомъ смыслѣ, есть одна наука, которой учится родъ человѣческій. Люди, въ разныхъ возрастахъ, учатся нѣкоторымъ предметамъ изъ сей обширной науки; дѣтямъ приличны наиболѣе изъ ней свои особенные предметы.

Мы старались показать сіи предметы; старались основать выборъ ихъ не на произвольныхъ какихъ нибудь положеніяхъ, но на требованіяхъ дѣтской организаціи и духѣ времени. Остается теперь взглянуть, есть-ли какое *натуральное начало*, по которому можно расположить науки въ продолженіе всего первоначальнаго ученія, то есть, опредѣлить, какія науки должны слѣдовать однѣ за другими.

Физіологія учитъ, что возрастъ человѣка между 8-мъ и 16-мъ годами отличается наибольшею силою памяти: этотъ возрастъ есть эпоха памяти; за нею слѣдуетъ эпоха разума и страстей; потомъ эпоха разсудка и характера. Три сіи эпохи натурально отвѣчаютъ тремъ частямъ умственнаго воспитанія (*).

(*) Отсюда можно вывести логически, какія науки приличны особенно юношескому возрасту. Особенно на пр. прилична юношескому возрасту, изъ Натуральныхъ наукъ, Геологія практическими своими геогнозированіями. Сей возрастъ не только требуетъ, какъ дѣтскій, тѣлеснаго движенія, изощренія чувствъ и памяти, но еще большаго упражненія самой души. Для дѣятельности юноши не довольно экскурсій въ видѣ прогулокъ: ему нужны онѣ съ препятствіями,

Приведенный теперь физіологическій законъ показываетъ: 1) что первоначальное умственное воспитаніе должно, говоря вообще,

---

которыя должно побѣдить, съ опасностями, на которыя должно рѣшиться, съ лишеніями разнаго рода удовольствій, которыя надобно презрѣть. Этого требуетъ душа его, созрѣвшая къ сильнымъ впечатлѣніямъ, къ возвышеннымъ намѣреніямъ: этого она требуетъ, чтобы приготовиться для полнаго развитія тѣла, ума и воли. Сіи препятствія, сіи опасности, сіи лишенія, при тѣлесной и умственной работѣ, все это соединяется въ геогностическихъ путешествіяхъ. Геогностъ, для успѣховъ своихъ, долженъ рѣшиться: странствовать часто по непроложеннымъ дорогамъ, отказываться отъ экипажа, даже отъ лошади, быть готовымъ встрѣтить дикаго звѣря или ядовитую змѣю, терпѣть иногда жажду или голодъ, зной или стужу; онъ долженъ посѣщать подземныя пещеры — иногда онѣ величественны и прекрасны, но иногда ужасны; онъ долженъ взбираться иногда, по утесамъ, надъ пропастями, на неприступныя почти мѣста горъ, или опускаться въ жерла вулкановъ, дышащихъ сѣрною кислотою, смрадными испареніями. Но всѣ сіи труды не остаются безъ награды. Внутреннее сознаніе своей отважности и терпѣнія, обогащеніе разума новыми понятіями, надежда сдѣлать полезныя открытія и пріобрѣсть извѣстность или славу, чувствованія души въ то время, когда природа представляется передъ нею въ своемъ величіи или ужасахъ: это великія наслажденія.

простираться до 15 лѣтъ; 2) что науки должны, во время сего воспитанія, относиться болѣе къ памяти, чѣмъ къ разуму или къ силѣ размышленія; 3) что съ особенною осторожностью надобно дѣйствовать на разумъ или силу размышленія прежде семилѣтняго возраста, когда и самая память еще не совершенно созрѣла.

Здѣсь видна необходимость дѣйствовать на дѣтскій разумъ въ раннемъ возрастѣ такъ, чтобы возбуждать въ его силѣ размышленія наивозможно слабыя усилія. Этого не льзя достигнуть иначе, какъ передаваніемъ дѣтямъ свѣденій черезъ собственныя ихъ чувства, особенно черезъ чувство зрѣнія, которое отличается передъ прочими силою своихъ впечатлѣній: ибо свѣденія, переходящія къ уму черезъ чувства, не требуютъ отъ ума большаго вниманія, и врѣзываются въ мозгу почти сами собою.

Это служитъ новымъ доказательствомъ того, что Натуральная Исторія должна быть основаніемъ первоначальнаго ученія, и особенно ранняго: ея свѣденія переходятъ большею частію къ уму черезъ чувства, особенно черезъ чувство зрѣнія.

И такъ сила памяти и нетвердость разума, въ дѣтскомъ возрастѣ, предписыва-

ютъ слѣдующее *правило для расположенія* наукъ: *Науки надобно расположить такимъ образомъ, чтобъ передавалось дѣтямъ тѣмъ больше свѣденій, переходящихъ къ уму черезъ собственныя ихъ чувства, чѣмъ сила размышленія у нихъ слабѣе.*

Попробуемъ сдѣлать приложеніе сего правила, соединяя его съ прежде извѣстнымъ правиломъ постепенности въ трудностяхъ.

Сначала: приготовленія къ Натуральной Исторіи показываніемъ и нѣкоторымъ изъясненіемъ натуральныхъ предметовъ (животныхъ, растеній, минераловъ) или на картинкахъ, или, что гораздо лучше, въ натурѣ: минералы особенно изображаются дурно фигурами. Рисованье и Танцованье, почти единственно какъ забавы. Это первый шагъ къ наукамъ и искусствамъ.

Потомъ: Читаніе и Писаніе, по наивозможно скорѣйшимъ методамъ, чтобы не терять понапрасну времени. Латинскій и Греческій алфавиты. Объясненіе фигуръ и тѣлъ геометрическихъ. Объясненіе разныхъ изображеній, относящихся до наукъ и художествъ вообще, до натуральныхъ, физическихъ и механическихъ наукъ въ особенности.

Потомъ: Зоологія, Ботаника и Минералогія, въ собственномъ ихъ видѣ. Натуральную Историю надобно продолжать во все время первоначальнаго ученія; только занятіе ею должно стѣсняться болѣе и болѣе другими науками, по мѣрѣ возрастанія ума учащагося. Русская Грамматика. Грамматическое ученіе иностранныхъ языковъ. Четыре правила Ариѳметики. Рисованье съ натуры. Танцованіе.

Потомъ присоединить: Анатомію; чтеніе Біографій; Черченіе; сочиненія на Русскомъ языкѣ; Музыку.

И такъ далѣе. Мы не дѣлаемъ полнаго расположенія наукъ, потому что оно должно зависѣть много отъ внутреннихъ и внѣшнихъ средствъ учащагося. Для нашей цѣли довольно было показать нѣкоторый образецъ приложенія того *правила расположенія* наукъ, о которомъ сей часъ было сказано. Мы искали объяснить начало (principium), а не подробности первоначальнаго ученія.

Трудъ нашъ приходитъ къ концу. Думая, что теорія наша основана на положительныхъ началахъ, мы осмѣливаемся надѣяться, что она будетъ нѣкогда принята. Но

сіе *нѣкогда*, можетъ быть, весьма еще отдалено. Привычка и пристрастіе къ старому препятствуютъ сильно всякому нововведенію. Но не по тому-ли цивилизація восточная осталась назади передъ западною, что Востокъ отвергалъ полезныя нововведенія, а Западъ принималъ ихъ? Въ природѣ и въ обществѣ людей ничего нѣтъ неподвижнаго; все имѣетъ движеніе, все преобразовывается. И наши мнѣнія, привычки, вкусъ, нужды, нынѣ вовсе не тѣ, какія были прежде; зачѣмъ-же оставаться при прежней системѣ ученія? Согласно-ли это съ правилами разсудка? Мы хотимъ, и должны быть людьми XIX столѣтія: зачѣмъ-же мы учимся быть ими по преданіямъ XVIII или XVII вѣка? Какъ согласить такую несообразность? Сія несообразность оказываетъ важныя и пагубныя дѣйствія: она, между прочимъ, причиною того, что нынѣшнее состояніе общества такъ неопредѣлительно, зыбко. Все выдвинулось изъ первоначальнаго мѣста своего, но ничто не утвердилось на новомъ. Мы живемъ въ ужасной эпохѣ перехода, и увеличиваемъ ея опасности несоотвѣтственностію ученія съ ея требованіями. Время кончиться старинной, готической, такъ сказать, системѣ умственнаго воспитанія. « Но опытъ доказалъ намъ, скажутъ, пользу сей

старинной системы ученія: она приготовила и произвела множество отличныхъ людей.» Она-ли приготовила и произвела ихъ? спросимъ. Природа не творитъ-ли великихъ людей, не только отличныхъ, не смотря ни на какія препятствія или системы? Гдѣ родился *Колумбъ*? Не страна-ли религіозной нетерпимости произвела *Ласъ Казаса*? *Жан' Жакъ Руссо*, сынъ часовщика, человѣка добраго, но простаго, не помнилъ, по его признанію, какъ выучился читать, и первымъ чтеніемъ его были романы; *Шекспиръ*, сынъ бѣднаго продавца шерсти, *Торнвальдзенъ*, сынъ каменьщика, *Лафитъ*, сынъ плотника, не назначались, кажется, фортуною къ тому, чѣмъ они сдѣлались послѣ; Натуралистъ *Линне* отданъ былъ въ дѣтствѣ отцемъ учиться сапожному ремеслу; Механистъ *Аркрайтъ* (Arkwright), котораго генію Англія наиболѣе обязана тѣмъ, что ея хлопчатобумажныя фабрики вырабатываютъ ежегодно на 40 милліоновъ стерлинговъ (тысячу милліоновъ рублей), былъ до тридцати лѣтъ простымъ цырюльникомъ; нашъ *Ломоносовъ*, крестьянскій сынъ, также до 16-ти лѣтъ возраста занимался, съ отцемъ своимъ, не науками, а рыбною ловлею. Не должно-ли заключить изъ сихъ примѣровъ, что силь-

ный умъ или великія дарованія побѣждаютъ всѣ враждебныя обстоятельства, которыми судьба какъ будто старается иногда ихъ уничтожить? Но хотя природа такъ могущественна, однако никто не скажетъ, что ей вовсе не нужно содѣйствовать. Кто не согласится, напротивъ, что надобно стараться помогать ей, сколько возможно болѣе и лучше.

Другое важное препятствіе для принятія въ употребленіе предлагаемой теперь системы дѣтскаго ученія, заключается въ средствахъ исполненія, по недостатку приличныхъ сочиненій и учителей. Учителей мало, сочиненій вовсе нѣтъ. Но то и другое явится, если захотятъ родители; явится конечно не вдругъ, но вѣрно: только бы сдѣланы были первыя усилія, со стороны отцовъ и воспитателей, и только бы опытъ одобрилъ, передъ ними, сіи усилія.

Мы съ своей стороны испытали нѣсколько нашу теорію на опытѣ, занимаясь съ дѣтьми около двухъ лѣтъ Натуральною Исторіею. Чтобы показать читателю нашу *методу*, прилагаемъ три урока, изъ числа данныхъ дѣтямъ восьми-лѣтняго возраста. По неимѣнію приличнаго сочиненія, уроки надобно

было и сочинять и писать. Я старался употреблять, сколько могъ, короткія и ясныя предложенія и періоды. Каждое изъ предложеній или періодовъ такъ писалъ на тетради, что одна часть ихъ была на одной половинѣ, другая на другой половинѣ страницы. Это для того, чтобъ ученикъ во время выучиванія урока, могъ перегибать или закрывать которую нибудь половину страницы, и читать только начало или окончаніе періодовъ, стараясь дополнять ихъ усѣченія изъ памяти. Этотъ способъ даетъ ученику возможность экзаменовать самаго себя въ урокѣ; что имѣетъ свою пользу.

УРОКЪ
ОРНИѲОЛОГИЧЕСКІЙ.

КОРШУНЪ. (*) VULTUR.

Характеристика.

Клювъ (rostrum). .	прямой, закрюченный только съ конца, снабженный, при основаніи, гладкимъ или волнистымъ восчаникомъ (cera).
Голова (caput) . .	голая (безъ перьевъ), покрытая мясистыми перепонками или пушкомъ.

(*) При семъ урокѣ служили мнѣ прекрасныя изображенія коршуновъ du Dictionnaire des Sciences naturelles, publié par *Levrault*. Жаль, что въ числѣ сихъ изображеній нѣтъ Каѳарта.

Хотя въ Русскихъ сочиненіяхъ о Натуральной Исторіи называется коршуномъ та птица, которая извѣстна у натуралистовъ подъ именемъ vultur; однако лучше, кажется, называть по-Русски vultur *сыпъ*: потому что словомъ коршунъ означается въ общемъ употребленіи птица, весьма отличная отъ vultur натуралистовъ, именно Falco Nisus, *Linnaei*.

Глаза (oculi) . . . наровнѣ съ головою (ни вдавлены въ нее, ни на выкатѣ).
Языкъ (lingua). . мясистый, и часто раздвоенный.
Шея (collum). . . болѣе или менѣе безперая, какъ и голова.
Нижняя часть шеи окружена длинноперистымъ ошейникомъ.
Крылья (alae) . . весьма длинныя.
Плюсны (tarsi) . . крѣпкія, покрытыя чешуйками.
Когти (ungues). . слабыя.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ОБЪЯСНЕНІЯ.

Коршуны извѣстны, какъ птицы жадныя, прожорливыя, трусливыя, склонныя болѣе ѣсть падаль всякаго рода, нежели живое мясо; отъ чего отвратительно пахнутъ. Глупы.

По слабости когтей, ѣдятъ падаль на мѣстѣ. Пожираніе приморскихъ нечистотъ.

Признаки, когда они наклевались?

Зрѣніе остро на открытіе падали. Мнѣніе о чрезвычайной тон-

кости ихъ обонянія не совсѣмъ, кажется, справедливо.

Не смѣютъ нападать на живыхъ животныхъ, развѣ на маленькихъ птенцевъ безъ защиты, вообще на слабыхъ животныхъ, и то стаею. (Исключенія: *КондорЪ, ГипаетЪ*).

Положеніе полугоризонтальное, какъ-бы отъ боязни.

Полетъ тяжелый, особенно когда наѣдятся, впрочемъ обширный.

Живутъ большею частію въ сообществѣ.

Ихъ болѣе въ южныхъ, чѣмъ въ сѣверныхъ краяхъ; много въ Египтѣ.

Гнусны-ли вЪ самой вещи коршуны? (*)

(*) Сіе предложеніе служило темою для сочиненія, то есть, для написанія своими словами того, какъ я объяснялъ сію тему. Я объяснялъ ее въ такомъ смыслѣ: Въ натурѣ ничего нѣтъ гнуснаго: потому что все имѣетъ свою пользу. Коршуны полезны: потому что истребляютъ падаль и нечистоты. Вотъ причина, что ихъ болѣе въ южныхъ, чѣмъ въ сѣверныхъ краяхъ: въ южныхъ краяхъ, отъ теплоты воздуха, смрадъ падали заразительнѣе. Чтобы истребляли падаль, тотчасъ какъ она случится, природа дала имъ острое зрѣніе, дала чрезвычайную прожор-

Высиживаютъ отъ двухъ до четырехъ птенцевъ; кормятъ дѣтей изъ зоба. Періе (*) у самца и самки въ зрѣломъ возрастѣ одинаково;

ливость, соединила ихъ стаями; чтобы истребляли падаль на мѣстѣ, и не разносили нечистотъ въ разныя стороны, она дала имъ слабые когти. Такимъ образомъ Каѳарты въ Испанско-Американскихъ городахъ, Перкноптеры въ Египтѣ, оказываютъ истинное благодѣяніе людямъ, которые сами не стараются о чистотѣ городовъ своихъ, и жили-бы, безъ сихъ коршуновъ, безпрестанно въ смрадѣ: вотъ почему въ Хили и Перу Каѳарты защищены отъ убійства ихъ, строгими законами. Коршуны не гнусны и потому, что животныя не имѣютъ добродѣтелей или пороковъ. Орелъ напр. не ѣстъ падали потому, что его желудокъ не принимаетъ падали, а требуетъ живаго мяса; не изъ великодушія онъ смѣло нападаетъ на животныхъ, а по необходимости; такъ какъ и не изъ жестокосердія раздираетъ ихъ внутренности, а по надобности: и коршуны между птицами, шакалы между звѣрями, ищутъ, стаями, смрадной падали и выкапываютъ трупы, не по трусости или гнусной прожорливости, а по закону природы, которая велитъ имъ это дѣлать, дала имъ для существованія эти средства, а не другія какія.

(*) Одна изъ трудностей преподаванія Натуральной Исторіи есть неопредѣлительность нашего языка въ отношеніи къ сей наукѣ, такъ какъ и въ отношеніи ко многимъ другимъ наукамъ. Я принужденъ былъ выдумывать нѣкоторыя слова; на примѣръ: *періе*, для выраженія того, что по-Французски называется *plumage*, то есть, что означаетъ всѣ перья птицы,

но въ молодомъ возрастѣ ихъ ливрея весьма видоизмѣнчива; отъ этого произошла у на-

---

вмѣстѣ взятыя; *раскрыліе*, по Фр. envergeure, разстояніе между концами распростертыхъ крыльевъ. Нѣкоторыя слова употреблялъ Славянскія, напр. *долъ*; перевожу la vallée *долина*, le vallon *лощина*, le val *долъ*. Въ натуральныхъ наукахъ необходима совершенная точность выраженій; въ нихъ не позволяется выражать долину иногда долиною, иногда лощиною: иначе произойдетъ весьма дурная запутанность и темнота. Привожу здѣсь слова, опредѣленныя мною для другаго сочиненія: » я принялъ системою оставлять почти всѣ иностранные техническіе термины безъ перевода. Это нѣкоторые назовутъ системою барбаризмовъ; но не знаю, справедливо-ли. Конечно должно стараться о чистотѣ отечественнаго языка; но всему есть мѣра. Техническіе термины не принадлежатъ какому нибудь отечеству: они составляютъ ученый языкъ всего просвѣщеннаго свѣта. Переводить ихъ на какое-нибудь нарѣчіе, значитъ дѣлать какъ-бы похищеніе у ученаго языка; и это похищеніе дѣйствительно вредно наукамъ. Безъ того уже терминологія крайне отяготительна для памяти; еще *Бюффонъ* жаловался, что ученіе терминовъ въ Натуральной Исторіи труднѣе самой науки. Зачѣмъ увеличивать сію трудность умноженіемъ терминовъ во столько разъ, сколько находится различныхъ языковъ или нарѣчій. Всякій ненужный терминъ въ наукахъ есть для нихъ препятствіе. Къ тому-же, излишній пуризмъ не составляетъ богатства языка; напротивъ того *Вольтеръ*, которому можно въ этомъ вѣрить безъ опасенія говоритъ: le purisme est toujours pauvre.

шуралисшовъ запушанносшь: одинъ и шошъ-же коршунъ описываешся во многихъ видахъ, какъ различные коршуны, пошому чшо одинъ и шошъ-же былъ наблюдаемъ въ различныхъ его ливреяхъ.

Самки, какъ и вообще всѣ самки хищныхъ пшицъ, по неошкрышому до сихъ поръ закону природы, больше и сильнѣе самца.

Теперь опредѣлены пяшь родовъ коршуна:

1. Коршунъ собсшвенно, vultur proprie dictus;

2 Саркорамфъ, Sarcoramphus; чшо значишъ съ Греческаго *мясо-клювЪ*. (*)

3. Каѳаршъ, Cathartes, чшо значишъ съ Гр. *чисшишель*;

4. Перкношшеръ, Percnopterus, чшо зн. съ Гр. *черно-крылЪ*;

5. Гипаешъ, Gypaëtos, чшо зн. съ Гр. *коршунЪ-орелЪ*.

(*) Чшобы не сдѣлашь сего урока слишкомъ шруднымъ для выученія наизусшь, я не писалъ въ немъ Греческихъ словъ, изъ коморыхъ произведены названія коршуновъ: Саркорамфъ, Каѳаршъ, Перкношшеръ и Гипаешъ, и замѣнилъ ихъ шолько Русскимъ переводомъ, чшобы дашь понящіе о значеніи сихъ названій. Греческія слова сихъ названій я писалъ въ шѣхъ урокахъ, въ кошорыхъ говорилъ о коршунахъ въ особенносши.

Натуралисты упоминают о других родах; но и сіи роды не довольно еще определены.

УРОКЪ
ФИТОЛОГИЧЕСКІЙ. (*)

ТРЮФФЕЛЬ. TUBER.

Фамилія: Lycoperdacées (*дождевиковыя.*)
Поколѣніе: Angiogastres.

Характеристика.

Живетъ подъ землею, близъ поверхности ея; — форма округленная, шишковатая или лопастная; — поверхность иногда гладкая, иногда съ округленными морщинами, или пирамидальными шишками; — существо изъ ткани, почти однородной для простаго глаза, но представляющей въ увеличительное стекло

(*) Сей урокъ, по величинѣ своей, и слѣдующій, по немалому количеству Греческихъ словъ, не имѣли темы для сочиненія, чтобы не сдѣлаться слишкомъ тяжелыми для учениковъ. Для объясненія урока служила намъ прекрасная фигура трюффеля, рисованная *Тюрпеномъ* (которому и обязаны Ботанисты точнымъ знаніемъ внутренняго строенія трюффеля), и помѣщенная въ атласѣ du Dict. des sc. nat.

вѣтви или стебли, на которыхъ сидятъ пузырьки съ ножками; сіи пузырьки почти шарообразны, и содержатъ отъ одного до четырехъ маленькихъ шариковъ (это трюффлики, truffinelles по Фр.), съ которыми въ тѣхъ-же пузырькахъ содержится нѣсколько крошечныхъ, бородавчатыхъ зернушекъ (это, вѣроятно, *недозрѣлые* (abortivus) шарики или трюффлики).

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ОБЪЯСНЕНІЯ.

Плодородные пузырьки съ трюффликами, не только заключаютъ въ себѣ нѣсколько *недозрѣлыхъ* трюффликовъ, въ видѣ крошечныхъ зернушекъ, но и окружены безчисленнымъ множествомъ *недозрѣлыхъ*, также, вѣроятно, начатковыхъ трюффликовыхъ пузырьковъ. Сіи недозрѣлые пузырьки различной формы: продолговатые, вытянутые, весьма вытянутые и т. д. Они-то представляются, и почитались прежде, ножками плодородныхъ пузырьковъ.

Трюффель, по окончаніи своей зрѣлости, не разсыпается въ порошокъ, по примѣру прочихъ *дождевиковыхъ* (что̀ для него было-бы безполезно, по житью его подъ землею), но превращается въ родъ киселя или кашки.

Виды трюффелей не многочисленны.

Величина обыкновенно отъ 1 до 3 дюймовъ въ діаметрѣ.

Находятся болѣе въ умѣренныхъ климатахъ.

Живутъ долго, и распложаются распаденіемъ своимъ.

Имѣютъ пріятный вкусъ и запахъ, который даже открываетъ мѣсто ихъ пребыванія. Отъ того всегда и всѣми употреблялись и употребляются въ пищу.

Виды раздѣляются на два отдѣленія:

1. Трюффели съ поверхностью гладкою.

2. Съ поверхностью шероховатою; это собственно трюффели. Сюда принадлежитъ:

ТРЮФФЕЛЬ СЪѢДОБНЫЙ. TUBER CIBARIUM.

Характеристика.

Округленный;

Черный или сѣрый снаружи;

Безъ всякаго корня;

На поверхности округленныя возвышенія, иногда пирамидальныя, четырестороннія;

Мясо бѣлое, сѣроватое или черноватое, съ черными или бурыми прожилками.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ОБЪЯСНЕНІЯ.

Онъ-то предпочтительно любимъ гастрономами;

(слово Гастрономъ происходитъ отъ γαςὴρ желудокъ, брюхо, и νόμος законъ.

Находится въ Европѣ, особенно въ умѣренныхъ и южныхъ краяхъ, въ Африкѣ, въ Азіи, и въ сѣверной Америкѣ.

Любитъ почву глинистую, смѣшанную съ пескомъ, легкую, влажную, хрящеватую.

Замѣчаютъ, что почва, гдѣ онъ растетъ, представляетъ нѣкоторыя трещины, даетъ нѣкоторый глухой звукъ отъ удара, и приподнята на поверхности отъ массы трюффелей.

Находится въ землѣ вообще отъ 3 до 6 дюймовъ, подъ поверхностью ея.

Чѣмъ обильнѣе трюффели въ трюффельникѣ, тѣмъ они крупнѣе.

Величина ихъ обыкновенно съ яйцо. *Галлеръ* упоминаетъ о трюффелѣ въ 14 фунтовъ вѣса.

Распространяемый ими изъ-подъ земли запахъ едва ощутителенъ.

Во Франціи трюффельники обыкновенно встрѣчаются въ дубовыхъ и каштановыхъ рощахъ.

Ихъ помогаютъ отыскивать свиньи, большія охотницы до трюффелей; но за то и надобно беречь ихъ отъ сихъ гастрономокъ.

Обучающъ также собакъ для отъискиванія трюффелей. Иногда сами трюффели выказываются изъ-подъ земли. Иногда указываютъ ихъ насѣкомыя, которыя толпятся около трюффельниковъ, чтобы положить свои личинки въ трюффели.

Живетъ въ продолженіе цѣлаго года.

Его нѣсколько есть разницъ (varietas).

Дѣлали пробу сѣять ихъ искуственно, и опыты удавались до нѣкоторой степени.

Ихъ должно ѣсть очень умѣренно: они особенно вредны для слабаго желудка.

У Древнихъ славились преимущественно Испанскіе трюффели. Преторъ *Licinius*, въ Карѳагенѣ въ Испаніи, раскусившія трюффель, нашелъ въ немъ Римскую монету dinarius. Это не удивительно: ибо грибы, во время ращенія своего, иногда обволакиваютъ постороннія тѣла, на пр. камни, листья, стебли и пр.

Въ доказательство, какъ у древнихъ Грековъ уважались трюффели, служитъ то, что Аѳиняне дали право гражданства дѣтямъ *Херипса* за то, что *Херипсъ* изобрѣлъ новый способъ приготовлять трюффели.

УРОКЪ

ОРИКТОГНОСТИЧЕСКІЙ (*).

ПРОЗРАЧНЫЙ (**) КВАРЦЪ. QUARZ HYATIN.

(Продолженіе о семъ кварцѣ).

Формы его.

Ихъ шри рода:

1. Правильныя формы;

2. Псевдоморфическія (чшо̀ значишъ съ Греческаго: ложно-форменныя);

3. Подражашельныя.

1. Правильныя формы.

Кристаллизація кварца весьма разнообразна. Главныхъ видовъ правильныхъ формъ, или

(*) Сей урокъ, по сухосши своей и по не малому числу Греческихъ словъ, кошорыя ученикъ долженъ былъ писашь, подъ дикшованье, на доскѣ — при чемъ довольно проходишъ времени — короче предъидущаго. Чишашель увидишъ изъ сего урока, какъ опредѣлишельно и ясно выражаешъ шочный языкъ нашуральныхъ наукъ о формахъ шѣлъ, какъ-бы сіи формы ни казались сложными.

(**) Можешъ быть, справедливѣе-бы называшь сей кварцъ *хрусталевиднымъ*, вмѣсшо *прозрачный*: пошому чшо онъ бываешъ иногда не прозраченъ; но онъ всегда хрусшалевиденъ.

кристалловъ, считается до 15. Три изъ нихъ обыкновеннѣе прочихъ; это:

а) *Призмованный кварцъ.* Quarz prismé (фиг. 3.)

Слово *πρίσμα,* prisma, происходитъ отъ *πρίζω* пилю).

Сія форма происходитъ изъ соединенія двухъ шестигранныхъ пирамидъ основаніями (b. b.) съ шестигранною-же призмою (*). Это самая обыкновенная форма. Кристаллы, имѣющіе ее, весьма различны относительно объема (volumen), именно, бываютъ отъ едва примѣтной глазу величины до трехъ четвертей аршина. Много имѣетъ видоизмѣненій.

(Слово пирамида, *πυραμὶς*, pyramis, происходитъ отъ *πῦρ* огонь (по сходству пирамидъ съ огнемъ).

(*) Ученику должно сперва объяснить, что фиг. 1. называется пирамидою, у которой острее *a* есть верхъ, а площадка *b* основаніе. фиг. 1. представляетъ шестигранную пирамиду, по причинѣ шести граней или площадей; но пирамиды могутъ быть 3-гранныя, 4, 5 и такъ далѣе — гранныя. Должно объяснить также, что фиг. 2. называется призмою, которая здѣсь шестигранная, но которая можетъ имѣть различное число граней, не переставая быть призмою.

b). *Косогранный кварцъ.* Quarz plagièdre.
(Фиг. 4.)

(Слово plagièdre происходитъ отъ
πλάγιος, косой и
ἕδρα, основаніе).

Въ сей формѣ углы соединенія пирамидъ съ призмою обрѣзаны шестигранными плоскостями (c. c. c.). Довольно обыкновенна.

c) *Пятьюшестигранный кварцъ.* Quarz pentahéxaèdre. (Фиг. 5).

(Слово pentahéxaèdre происходитъ отъ
πέντε, пять,
ἕξ, шесть и
ἕδρα, основаніе.)

Въ сей формѣ ребра соединенія пирамидъ съ призмою обрѣзаны параллелограммовидными площадками (d. d. d. d. d. d.), которыя еслибы были продолжены, образовали-бы весьма острую пирамиду (или точнѣе: образовали-бы пирамиду острѣе дѣйствительной пирамиды кристалла).

Наше сужденіе о первоначальномъ ученіи кончилось; сужденіе публики начинается. Передаемъ почтительно трудъ ей.

Конецъ.